

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра новейшей русской литературы

**Выпускная квалификационная работа**

**СТРАТЕГИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ**

Работу выполнила:  
студентка 251 группы  
направления подготовки  
44.03.05 Педагогическое  
образование, профили  
«Русский язык» и «Литература»  
**Татаурова Ольга Эдуардовна**

\_\_\_\_\_  
(подпись)

«Допущена к защите в ГЭК»  
Зав. кафедрой

\_\_\_\_\_  
(подпись)

« \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 20\_\_ г.

Руководитель:  
кандидат филологических наук,  
заведующий кафедрой новейшей русской  
литературы  
**Даниленко Юлия Юрьевна**

\_\_\_\_\_  
(подпись)

ПЕРМЬ  
2018

## АННОТАЦИЯ

Выпускная квалификационная работа посвящена изучению феномена Уральской поэтической школы в качестве стратегического проекта по продвижению современной уральской поэзии. Исследовательское внимание сосредоточено на особенностях внутренней структуры, функционирования, внешних и внутренних отношений УПШ как актора «литературного поля», деятельность которой направлена на культурное производство. Стратегическая модель продвижения региональной поэзии в культурном пространстве на примере УПШ, полученная в результате исследования, может быть использована другими регионами в качестве образца.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
I. ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОЛЕ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ «ПОЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ» ПЬЕРА БУРДЬЁ)..	12
1.1. Гетерономность и автономность культурного поля.....	14
1.2. Конфликт дефиниций как основной закон развития культурных полей.....	15
1.3. Структура, содержание и функционирование культурного поля....	17
1.4. Отношения между культурным полем и полем власти. ....	20
1.5. Внутренние отношения позиций и диспозиций .....	21
II. СТРАТЕГИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ УРАЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ).....	23
2.1. УПШ как культурный феномен. Позиция УПШ как литературного поля внутри поля власти.....	23
2.1.1. Предпосылки для образования УПШ .....	23
2.1.2. Полемика о существовании УПШ.....	26
2.1.3. УПШ как социальное явление .....	29
2.2. Анализ внутренней структуры УПШ как литературного поля, законы функционирования и внутренние отношения позиций .....	31
2.2.1. Идеологическая направленность и распределение капитала власти	31
2.2.2. Коммуникации, инфраструктура, система мероприятий УПШ.....	33
2.2.3. Роль культуртрегера в развитии литературного поля. Внутренние отношения позиций и диспозиций УПШ .....	47
III. ПРИМЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПШ (АНАЛИЗ ТВОРЧЕСТВА УРАЛЬСКИХ АВТОРОВ НА МАТЕРИАЛЕ АНТОЛОГИИ МОЛОДОЙ ПОЭЗИИ УРАЛА «ШЕПЧУТСЯ И КРИЧАТ»)	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	61
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ .....	72
ПРИЛОЖЕНИЕ .....	79

## ВВЕДЕНИЕ

Постперестроечное время внесло свои коррективы во все общественные сферы, не исключая искусства. Конкуренция как один из основных законов капиталистического общества, проникла и в «литературное поле», которое с целью сохранения права на существование вынуждено вести борьбу, превратив литературу в продукт. По социологической теории Бурдьё, «литературное поле» становится полем власти, капиталом, его институции образуются за счет агентов, которые занимают доминантные позиции в культурной или экономической сферах. Писатель, попадая в то или иное «литературное поле» с учетом состояния поля реализует свой потенциал, становясь частью литературной корпорации.

По этой причине, в нашем исследовании актуализируется социологический подход в изучении структуры современного литературного процесса, а именно в осмыслении способа организации региональных литературных полей. Мы рассматриваем «уральскую поэтическую школу» как феномен успешного развития региональной литературы в современной культурной ситуации.

Урал на протяжении долгих лет существовал в поэтическом контексте только как «элемент общекультурной топики» [Абашев 2000], а собственная региональная литературная история очень скромна по сравнению со столичными: путевые записки XIX в., творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка, П.П. Бажова, В.В. Каменского, Б.Л. Пастернака.

Уральская поэзия как региональное явление расцветает во времена «перестройки» (а если быть точнее в 80-ые гг., с андеграундным движением), когда заговорило во весь голос новое поколение в связи с крупным социокультурным кризисом, который изменил условия для формирования личности.

«Это было первое за много десятилетий поколение, стоящее перед необходимостью определяться в быстро меняющемся мире, а не

адаптироваться к условиям стагнации. Результатом такой картины стал резкий стилистический и мировоззренческий разброс среди молодых авторов, входивших в литературу одновременно и, казалось бы, в сходных условиях» [Кузьмин 2008].

Среди уральских городов можно выделить самых ярких представителей: в Челябинске – Виталий Кальпиди, в Перми – Владислав Дрожащих и Юрий Беликов, Алексей Решетов, а также такие города, как Екатеринбург, Нижний Тагил, Кушва, Каменск-Уральский, где жили Борис Рыжий, Роман Тягунов и другие.

Именно в это творчески бурное и активное время начинается формирование того, что послужило фундаментом для рождения «уральской поэтической школы». По словам поэта и художника Дмитрия Пригова: «Возникновение школы – это проблема накопления критической массы реальных энергетичных людей» [Круглый стол 2004]. Неудивительно, что продолжительное молчание привело к необходимости высказаться. Хотя сам Виталий Кальпиди – идеолог уральской поэтической школы, видит мотивы к данному образованию в совершенном противоположном: не назревание, не хаотичный прорыв, а «создание, культивация, интенсификация уральского поэтического пространства», которое продолжается уже около 30 лет. Появление и структурирование данного явления есть инициатива заинтересованных лиц, которые не согласны с «естественным положением вещей», по словам самого Кальпиди. Получив название «уральская поэтическая школа», движение, на сегодняшний день, представляет собой «широкомасштабную самоорганизующуюся творческую корпорацию».

Помимо утверждения единства эстетических установок, объединяющих авторов в условное единство поэтической школы, структурирования и анализа накопленного материала, еще одной главной миссией УПШ является создание уральского культурного поля с целью сохранения накопленного культурного опыта. В этом проявляется многоуровневый подход: цели деятельности УПШ распространяются на все

временные пласты, параллельное изучение прошлого, активная деятельность в настоящем с учетом значительного влияния на будущее.

Наработанный материал постоянно документируется книжными изданиями. Три тома Антологии уральской поэзии (1996, 2003, 2011), каждый том которой объединяет поэтов поколений трех волн с 1972 до 2011г. – это основной поэтический фонд УПШ. В 2013г. была издана большая книга «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа», «представляющая собой информационно-аналитический взгляд» на это явление.

Энциклопедия оправдывает свою жанровую принадлежность и структурой, и содержанием: дана цельная информация о природе УПШ, о ее культурном значении, социологических предпосылках для возникновения, о современном состоянии, тщательно исследуется вопрос истинной принадлежности феномена к понятию «школа», также осмысливается концептуальность школы, ее эстетика и поэтика, связь с мифологией.

Помимо этого, анализируется поэтический материал, исследуется философско-поэтическое и религиозно-поэтическое мышление на основе практики 3-х поколений, основные мотивы творчества каждого из поэта. Также в энциклопедии существует раздел, посвященный истории трех городов (Перми, Челябинска, Екатеринбурга), образующих единое поэтическое пространство – «уральский треугольник», что подчеркивает мифологическую природу уральской поэзии.

Информационно закрепляется каждый представитель УПШ, ныне действующий на ее развитие: дана библиографическая справка, фотопортрет, филологическая маркировка, которая состоит из таких разделов, как традиции/направления, основные влияния, основные приемы, сквозные мотивы, творческая стратегия, динамика, коэффициент присутствия.

Треть энциклопедии представляет собой документальную фиксацию активной деятельности УПШ в лице ее активных представителей: культуртрегеры, заинтересованные в «культурном строительстве» этой

школы (Виталий Кальпиди, Евгений Касимов, Александр Петрушкин, Олег Сеницын, Евгений Туренко), культовые и культурные лица (редакторское разграничение) – Алексей Решетов, Борис Рыжий, Александр Верников, Б.У.Кашкин, С.Панин, Николай Болдырев.

Отдельно рассказывается о критиках и литературоведах уральской поэзии (Владимир Абашев, Дмитрий Бавильский, Вячеслав Курицын, Борис Кузьминский, Дмитрий Кузьмин, Анна Сидякин и др.) Детально представлены различные формы бытования уральской поэзии в разные времена: культовые места, группы, студии, клубы, фонды.

На данный момент, УПШ поддерживает тесное сотрудничество с изданием Мариной Волковой (с 2007г.). Ей профинсированы издания книг челябинских поэтов И. Аргутина и Я. Грантс., в 2013 г. вышел коллективный сборник молодых поэтов Челябинска «На достаточных основаниях». Помимо этого, площадками для издания уральской поэзии стали литературный журнал «Вещь» (с 2010г., главный редактор – Павел Четкин), литературный журнал «Графоман» (с 2010г., коммерческое предприятие), некоммерческий литературно-художественный альманах «Белый ворон» (с 2011г.), литературная пермская газета «Свежак» (с 2012г., главный редактор – Антон Бахарев-Черненко), российский журнал молодой поэзии «Стержень»(с 2012г.) и др.

В современном информационном потоке УПШ являет собой культурно-творческую площадку по продвижению уральской поэзии на российском и мировом уровнях, среди них известные: поэтический фестиваль «Глубина» (2007, 2008, 2011), пермский фестиваль поэзии «СловоNova» (СловоНова) – 2009, 2010, 2011, 2013гг., совместный проект Виталия Кальпиди и Марины Волковой, Кальпиди – редактор, составитель, оформитель. Волкова – издатель и идеолог продвижения - серия книг «ГУЛ» (Галерея уральской литературы), изданная с марта по сентябрь 2014г., уральская поэзия представлена 30 лучшими поэтами последних 30 лет.

Из последних проектов (2018г.) международного уровня «Жестикуляция», объединяет поэтов и читателей России и Франции, на основе чего издана книга «Воздух чист...» В книгу вошли стихотворения русских поэтов, переводы этих стихов на французский язык, а также стихотворения французских поэтов и вариации на эти стихотворения, сделанные русскими поэтами.

Региональный аспект создает большую мотивацию для деятельности и плодотворен по своей природе, а не конфликтен. Создание УПШ не есть прямое противопоставления провинциального поэтического пространства столичному, это трудный творческий путь – освоение, заполнение, развитие запущенного, невостребованного пространства, заполненного гениальными, яркими и не очень яркими талантами, для которых необходимо высокодуховное наставничество и почва для прорастания, чем и занимаются долгие годы культуртрегеры УПШ (в первую очередь, Виталий Кальпиди), деятельность которых в общественном представляется действенной стратегией продвижения и развития региональной литературы, утверждение факта ее существования в культурном пространстве, что не может не вызвать большого интереса для углубленного исследования данного феномена.

**Цель** нашего исследования: описать действующую стратегическую модель продвижения региональной поэзии на примере деятельности культуртрегеров Уральской поэтической школы, которая может быть использована за основу продвижения региональной литературы другими поэтическими школами.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- изучение теории продвижения литературы как одной из важной составляющей структуры литературного поля (социология литературы П.Бурдые);
- рассмотрение уральской поэзии на разных этапах ее развития как неотъемлемой части литературного процесса;

- Описание феномена УПШ как части регионального культурного поля: форма, содержание, структура, цели, задачи, результаты деятельности;
- рассмотрение культуртрегерской и творческой деятельности Виталия Кальпиди в формировании и продвижении УПШ;
- систематизация наблюдений по изученному материалу и описание модели продвижения региональной поэзии в современной культурной ситуации.

**Объектом** нашего исследования является феномен Уральской Поэтической Школы как социокультурной институции .

**Предметом исследования** - стратегия продвижения региональной поэзии на примере УПШ.

**Научная новизна исследования:** впервые феномен УПШ осмыслен и рассмотрен как целостно-системный проект, главной целью которого является развитие и продвижение современной уральской поэзии на российском уровне; проанализированы структура и концепция данного проекта, соотнесены форма и содержания и выявлены продуктивные механизмы продвижения. В результате целостного изучения данного феномена представлена стратегия развития региональной поэзии.

**Методологическую основу** нашего исследования составляет социологическая работа, посвященная проблеме продвижения литературы в современной культурной ситуации и работы, в которых литература рассматривается как социально-культурный продукт «литературных пространств», во главе которых выступают различные агенты литературного производства (Пьер Бурдьё). В этой работе нам интересны, в первую очередь, механизмы продвижения литературы от автора до читателя, формирование культурной среды и необходимых условий для ее функционирования и развития.

Помимо этого, мы опирались на литературоведческий материал (В.В.Абашев, В.Н.Топоров), в котором для нашего исследования особенно важны части, касающиеся формирования «локального текста» и этапов

развития региональной литературы, а также в этом аспекте особую ценность несут монография А.Сидякиной «Маргиналы», Энциклопедия УПШ, в основе которых история развития уральской поэтической школы, описание предпосылок для ее возникновения.

Также нами привлечены литературно-критические и публицистические статьи (Е. Сафронова, Н. Медведкина, Д. Кузьмин и другие) касающиеся вопросов явления УПШ и уральской поэзии в целом, анализирующие важные явления, институты, площадки, выявляющие тенденции уральской поэзии и результаты деятельности «поэтической школы». Помимо этого, нами изучен ряд интервью, взятых у культуртрегеров УПШ Виталия Кальпиди – главного организатора УПШ, и издателя Марины Волковой, которые расширяют знания о концепции, целях проектной деятельности и ее будущего.

**Практическая значимость** заключается в использовании материала работы в школьных курсах литературы при изучении региональной литературы и современной поэзии, а также для внеурочных занятий и исследований, в рамках ВУЗа материал может быть задействован на курсах, посвященных изучению региональной и современной русской литературы.

**Апробация работы:** научная студенческая конференции «Молодая филология – 2018», 24 апреля 2018г.

**В первой главе** с опорой на социологические работы нами рассматривается механизм продвижения литературы в разные времена и на разных этапах ее существования, особенности формирования «литературного поля» как социологического пространства и культурного производства, а также мы касаемся вопросов соотношения индивидуальной и коллективной деятельности, особенности координирования агентами организации социологического пространства и культурной деятельности других людей, внутренней организации и структуры «литературного поля».

**Вторая глава** связана с объектом нашего исследования: анализируется феномен УПШ с опорой на теоретический материал: природа ее появления и позиция внутри общего политически-социального пространства, внутренняя

структура школы, особенности функционирования, отношения внутри «литературного поля» и отношение с другими поэтическими объединениями. Также в этой главе представлен анализ становления диспозиций – поэтов и возможностей реализации, рассмотрена позиция главного агента, культуртрегера, Виталия Кальпиди, концептуальная направленность, поэтическая деятельность, достижения и заслуги.

**Последняя глава** представляет собой анализ уральской современной поэзии на материале сборника «Шепчутся и кричат» в качестве среза современного состояния поэзии Урала.

**На основе всего исследования** выявлена стратегическая модель продвижения региональной поэзии в культурном пространстве на примере УПШ, которая может быть использована другими регионами в качестве образца.

## ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОЛЕ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА («ПОЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ» ПЬЕР БУРДЬЁ)

Статья «Поле литературы», написанная французским социологом Пьером Бурдьё, является попыткой «изложить в систематической форме метод анализа произведений культуры». Ценность данного метода для нашего исследования заключается в связи с реалиями литературной современной жизни, в актуальности рассмотрения литературной сферы на фоне экономических и индустриальных условий действительности.

Данный анализ предполагает три ступени. Но для начала, перед детальным рассмотрением структуры и содержания метода Бурдьё, необходимо уточнить термин «литературное поле» - это поле силы, воздействующее на внутреннее составляющее и являющееся в то же время конкурентным полем по отношению к другим полям. Конкуренция как одна из характерных черт современной среды, свойственна всем полям, которые являются, в свою очередь, составляющими полей власти. «Поле власти» - это «пространство силовых отношений между агентами и институциями, обладающими капиталом, необходимым для того, чтобы занять доминирующие позиции в различных полях».

Именно на взаимосвязи с социальной действительностью построен метод, предполагающий три операции: во-первых, позиция литературного поля внутри поля власти; во-вторых, анализ внутренней структуры литературного поля, законы функционирования, отношения позиций индивидуумов или институтов; в-третьих, анализ формирования позиции, занимаемой агентом, социальная траектория, предполагающая благоприятную возможность реализации членов литературного поля и самого поля в целом.

### ***1.1. Гетерономность и автономность культурного поля***

Литературный мир всегда существовал автономно, а деятель литературы мифологизировался как аутентичный пророк, который не требует никакого вознаграждения, который не заинтересован материально. Но в таких случаях обычно существовали экономические условия, позволяющие творить без экономической компенсации, что, естественно, способствовало к более рискованным позициям деятеля в литературной сфере, или, наоборот, мотивирующие к деятельности, обращающейся рано или поздно в экономическую прибыль.

Как бы ни были свободны литературные поля, внешние социальные законы воздействуют на них, поэтому на любом историческом этапе «поле производства культуры представляет собой поле борьбы между двумя принципами иерархизации»: гетерономный принцип, способствующий экономическому и политическому доминированию (например, *«буржуазное искусство»*) и автономный принцип, не гарантирующий стабильности, приводящий к постоянному колебанию между провалом и сиюминутным успехом (например, *«искусство ради искусства»*).

Степень независимости культурного поля зависит от того, насколько подчинен гетерономный принцип автономному. Автономность поля образуется за счёт установления символической власти, то есть доминирующей позиции среди остальных полей. Культурное поле существует, в данном случае, независимо от общественного спроса и спроса властей, а граница между *«субполем узкого производства»* и *«субполем широкого поля»* становится четкой. Эти два субполя являются двумя полюсами одного поля, но между ними существует значительная разница.

Субполе узкого производства отличается внешней независимостью, экономика данного поля не преследует материальных выгод, почестей и знаменитости.

Главный гетерономный принцип - *«сиюминутный успех»*, предполагает показатель коммерческого успеха в литературном поле в виде

тиража книг, активности публикаций, показатель знаменитости – награждения, премии, в поле существуют литературные деятели с разной степенью известности.

Внутренний принцип иерархизации предполагает признание тех авторов, которые обязаны своим статусом отказу от следования запросам массовой публики. Размер и качество аудитории является важным показателем для культурного поля. Деятельность поля, следующего гетерономному принципу, зависит от спроса, общественного ожидания и рыночного состояния.

В итоге, главным отличием культурных производителей является их относительность к коммерческому успеху, активное использование средств продвижения в массовую публику литературного продукта, или отвержение успеха как «заинтересованность в политических и экономических выгодах».

Таким образом, во второй половине 19 века, когда литературное поле достигает максимальной автономности, формируются две иерархии: экономически зависимая, массового производства и элитарного производства, формирующая социально-культурную качественную аудиторию.

Первая иерархия предполагает противопоставление двух моделей: успех в «высшем обществе» и «массовая популярность» (например, сельские романы, шансоны). Вторая иерархия существует по двум принципам: или во имя новой независимости, или возвращение к старым традициям. В обоих случаях существование поддерживается постоянными революциями, которые способствуют трансформации полей.

В результате всего этого, образуется конфликт между автономными и гетерономными производителями, так как агенты автономных культурных полей отказываются признавать истинную принадлежность «коммерческих деятелей» к подлинному искусству.

## ***1.2. Конфликт дефиниций как основной закон развития культурных полей***

Борьба за независимость культурного производства принимает форму конфликта дефиниций: одно культурное поле пытается навязать другому условия принадлежности и получения статуса. Именно, данная точка зрения становится фундаментальным законом, который определяет поле как часть культуры, а также образует правила допуска деятеля в культурное поле.

Основными причинами для конфликта, разгорающегося между гетерономными и автономными оппозициями, являются власть и авторитетная позиция среди полей, в результате чего производители ограничивают число участников поля и трансформируют условия принадлежности, поэтому в данном случае можно говорить о субъективности формирования любого культурного поля.

Для нахождения причин соперничества необходим анализ структуры и содержания каждого поля, а также изучение социальных оснований для образования дефиниций – например, общественное признание и санкционирующие инстанции.

Одной из проблемных зон существования культурного поля является приток новых агентов и контроль над ними производителем, ибо естественен процесс инноваций материала и техники со стороны новых лиц, которые образуют внутри поля отторжение и сопротивление, разрушающие его целостность и подрывающие авторитет производителя.

«Степень институционализации границ» культурного поля – одно из важнейших его свойств. То есть, доступ или исключение из общего поля и юридическое подтверждение данного факта. Литературным полям свойственна большая проницаемость границ и многообразие дефиниций, не требующих за агентами экономического и образовательного капитала, как, например, в научном и бюрократическом полях.

Отличительным свойством литературного поля, как и артистического, среди других, является то, что оно «притягивает и собирает агентов,

совершенно различных в своих свойствах и диспозициях, а следовательно, и в амбициях»: это могут быть материально независимые агенты, или совмещающие литературную деятельность с иной стабильной работой, приносящей основной доход для существования, или материально нестабильные, но превращающие данный вид деятельности в стабильный источник дохода.

Чаще всего «профессия» писателя не соответствует истинному определению и представляет собой сочетание писательской деятельности с другой работой смежных сфер, приносящей основной доход (корректор, редактор, журналистика, реклама, кинематограф, телевидение, радио и др.) Благодаря расширению сферы деятельности и профессиональной компетенции, агент обретает необходимые связи, почести, способствующие писательскому статусу.

Конфликты, внутренние и внешние, очень продуктивны для литературного поля, так как в процессе и в результате их происходит формирование литературной позиции самого поля и даже взглядов самих агентов.

Помимо этого, основной литературный принцип определяется структурой и историей культурного поля.

Но стоит подметить, что каждое поле нужно рассматривать отдельно в «культурной общности», а не в совокупности всех полей, так как в процессе этого может произойти наложение систем и подмена категорий одного поля категориями другого.

Автономная история определяет специфику культурного поля, но за пределами этой автономии существует социальное единое пространство, которое также представляет собой фактор формирования поля и общей проблематики для всех полей.

Национальные традиции по-разному в разные эпохи, в разных странах воздействуют на культурные центры и культурные поля: поощряя их многообразие или осуществляя тотальный контроль над ними.

### ***1.3. Структура, содержание и функционирование культурного поля***

Поле – это сеть объективных отношений между позициями (например, подчинение или сотрудничество). Каждая позиция взаимодействует с другими позициями, то есть свойства позиции определяются свойствами общей позиции.

Структура поля — это «структура распределения разновидностей капитала (или власти), обладание которыми приносит специфические выгоды (например, литературный престиж), «разыгрываемые» в поле».

В литературном поле о позиции того или иного агента можно судить по его манифестации (произведения, политические акции, выступления, участия в полемике и другие). Для сохранения и улучшения своих позиций агенты используют различные стратегии.

По сути, культурное поле представляет собой поле боя оппозиций, которые противодействуют в системе. Любая манифестация – это претензия в процессе постоянной борьбы. И чаще всего, произведение и сам агент занимают свою позицию в поле только благодаря критике, полемике, нападкам, осуществляющихся в сторону агентов и их продуктов, и это становится основным критерием принадлежности к тому или иному полю.

Невозможно контролировать процесс восприятия литературных произведений, тем самым они не абсолютизируются, чем грешит теория литературы. Но в результате сравнения литературных произведений в рамках одного культурного поля открываются инварианты.

Объектом науки о произведениях искусства является отношение между двумя структурами: структура отношений позиций внутри поля и структура отношений манифестаций в пространстве литературы.

Текст должен быть прочитан с этих двух точек зрения, то есть в рамках исторического, а также в рамках культурного поля, на которое оказывает влияние социологический аспект. Укрепление поля в культурном пространстве всегда основано на интересе сохранения или изменения

структуры распределения капитала, что, естественно, приводит к борьбе между агентами и институциями.

Данная проблема определяет стратегию, которая постоянно видоизменяет продукт. Как бы ни было автономно культурное поле, рано или поздно ему необходимо прибегать к помощи других полей, к совместным продукциям и манифестациям.

«Каждое поле подразумевает и производит свою особую форму *illusio*, то есть вовлечённости в игру». Производителю необходимо расставить приоритеты для агентов, которые должны четко понимать, что важно для развития культурного поля и что игнорируется и остается в стороне. *Illusio* – это особая игровая форма конкуренции, которая строится на противопоставлении агентов друг другу, являющееся основным фундаментальным законом поля.

Производителем ценности продукта является не автор, а поле производства, к которому относится этот автор. Произведение искусства предстает как фетиш данного поля и продвигается в культурное пространство на основе уже функционирующей в пространстве веры в ценность произведений данного поля. Продукт существует в пространстве как символический объект признанного социального института.

Производством веры в ценность данного продукта и всего поля в целом занимается огромный ряд специальных агентов: критики, историки искусства, издатели, арт-дилеры, владельцы галерей, музейные кураторы, покровители, коллекционеры, канонизирующие инстанции (салоны, академии, жюри конкурсов и тому подобное). Также в эту систему входят политические и административные органы, оказывающие влияние на рынок искусств экономическими поощрениями и регламентациями в виде различных льгот, и представители самого института, занимающиеся производством производителей и потребителей.

В связи с этим, науке об искусстве необходимо, помимо традиционной истории искусств, включить социальную историю искусств, которая не

ограничивается анализом социальных условий производства отдельного автора, а анализируя целое культурное поле, которому принадлежал данный автор.

*«Коллективная игра в веру»* формирует сакральную ценность того, что получается в результате коллективной деятельности.

Внутренняя борьба рождается в результате постоянных изменений структуры поля, в результате синхронности оппозиций (доминирующие и подчиненные, новички и старые и так далее).

Изменения чаще всего происходят за счёт «новичков», которые в силу отсутствия *«объема специфического капитала»* пытаются утвердить свою особенную позицию среди остальных, особенно опытных, и добиться *«собственного имени»*, а достичь этого можно только навязав полю *«новые формы мысли и экспрессии»*.

История поля – это всегда борьба между теми, кто пытается удержать власть и кто претендует на нее. *«Заявить о себе», «составить эпоху»* — значит заставить других признать и распознать свою отличность и создать новую позицию в авангарде, за пределами и впереди уже занятых». Неизбежно старение тех, кто уже добился своего признания и вынужден бороться за то, чтобы сохранить своё место.

Вместе с преодолением социально-исторических традиций авангардное искусство вынуждено преодолевать себя с целью существования и функционирования, так как социально-исторические условия имеют временный характер, особенно двадцать первый век, отличающийся крайней нестабильностью и постоянными изменениями с краткой периодичностью.

Из всего это следует, что причины автономности культурного поля выявляется в процессе социального анализа. Стремление к автономности есть освобождение от социального контекста, но само явление всегда располагается в истории социальных изменений, то есть любой бунт – это тоже элемент системы.

#### ***1.4. Отношения между культурным полем и «полем власти»***

Отношения между производителем и потребителем (полем литературы и полем власти) предполагают непреднамеренное соответствие спроса и предложения.

Данное соответствие не предполагает целенаправленного удовлетворения желаний потребителя, иначе, поле переходит в разряд «коммерческих» и теряет свою автономность.

Культурное поле – пространство, устанавливающее отличительные позиции и различные интересы. Неизбежен дифференциальный принцип среди агентов, осуществляемых разные роли, более или менее значимые, в процессе производственной деятельности. Так, каждый продукт извлекает свою собственную ценность и бессознательно соответствует тому большинству потребителей, за которым закреплена позиция агента. Поэтому непреднамеренное совпадение публики и продукта сложно объяснить с точки зрения грубого экономического расчета - «спрос и заказ».

Аудитория и культурное поле взаимозависимы, несмотря на автономный принцип культурного поля: поле удовлетворяет вкусы потребителя, а вкусы потребителя дают возможность для рождения культурного поля. Создается впечатление «предусмотренной гармонии», то есть на каждое поле производства найдется поле власти и наоборот.

В доминирующем культурном поле возрастает экономический капитал, но уменьшается специфический: происходит естественное смещение от полюса «чистого» искусства к «коммерческому».

Рутинизация – еще один неизбежный процесс, возникающий в результате повторных и однообразных приемов, испытанных и механических. Чтобы этого избежать необходимо ненавязчивое периодичное новаторство, которое или формирует собственную публику, или благодаря эффекту привыкания естественно воспринимается привычной публикой. Здесь многое зависит от степени осведомленности потребителя, который чем больше его осведомленность, тем быстрее обретает стилистическую усталость.

Банализацию может ускорить снобизм – целенаправленное путь отличительный от общих вкусов, который обретает логику и теряет новизну, непохожесть в авангардном искусстве.

Очевиден факт: культурные продукты, которые завоевывают свое признание, теряют отличительную редкость и перестают пользоваться спросом. Канонизация приводит к широкому распространению продукта. С увеличением числа потребителей продукт становится всё меньше цениться.

Гармонизация происходит за счет «новичков», которые, отстаивая свою индивидуальность, обращаются к тем же приемам, использованным в начале развития культурного поля, но уже испытывают его на другой публике, привлекая тем самым новых людей, расширяя и обновляя привычную публику.

### ***1.5. Внутренние отношения позиций и диспозиций***

Культурные практики, наблюдаемые в тот или иной исторический момент, это результат встреч двух историй: истории полей производства, обладающих своими законами развития, и истории социального пространства, обуславливающего общественные вкусы.

В культурном поле образуются очень тесные отношения между позициями и диспозициями. С одной стороны, пространство позиций предопределяет ожидаемые свойства агента и притягивает необходимые категории, вписывающиеся в данное пространство. С другой стороны, восприятие пространства, его возможных позиций и траекторий, формируют диспозиции агентов.

Наивно предполагать, что деятели искусства обладают абсолютной свободой, так как включение агента в культурное поле обязывает его специфическим для пространства поведением, предполагается определенный ряд ограничений и свобод. Любая инновационная деятельность осуществляется с учетом потенциальных возможностей поля и несет смысл для существующей среды.

Но объективный запас свободы всегда существует, пользоваться которым агент может с учетом субъективности диспозиции. Вероятность материальных и символических потерь всегда неопределенна, и агент всегда действует на свой страх и риск.

Анализ биографии агента – это всегда завершающий этап, перед этим необходимо простроить социальную траекторию и ряд позиций, занимаемых агентом в культурном поле.

Бессмысленно рассматривать отдельного автора как самодостаточного и уникального писателя, так как признание автора – это результат матрицы объективных отношений и причинно-следственных связей пространства.

Возникновение поля, как правило, основано на оппозиции к существующим полям, и развивается на постоянном присоединении новых агентов, связанных общими интересами и целями, но имеющих разное социальное происхождение и экономический капитал. В пору кризиса эти люди расходятся, так как интересы меняются, агенты начинают приобретать социальную идентичность, и связи поля ослабевают.

Благодаря открытой оппозиции, канонизации происходит формирование символического капитала поля. Оппозиция строится на «контрасте стилей жизни, которая выражается и символически усиливается».

Существование порядка поля обеспечивается соблюдением агентами законов внутренней организации и структуры. Выразительный импульс агента всегда должен соответствовать специфическому коду, распознавание которого есть право доступа в поле.

Именно в отношениях выразительного импульса и интересов культурного поля образуется особенная позиция агента. В совокупности всех позиций формируется будущее поля, то есть деятельность каждого агента значима для функционирования всего культурного поля.

Нет четкого ответа на то, что значимей для стратегии развития – преднамеренный расчет или случайная импульсивность. Многое зависит от траектории, уровня развития, позиции каждого агента.

## ГЛАВА 2. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ УРАЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ)

### *2.1. УПШ как культурный феномен. Позиция УПШ как агента литературного поля внутри поля власти*

#### *2.1.1. Предпосылки для образования УПШ*

УПШ представляет собой структурированный результат совместной деятельности людей, «которые просто не согласны с естественным положением вещей» [Антология 2003]. Эта деятельность имеет целью создания и утверждения в литературном процессе институции региональной поэзии. Датой рождения УПШ принято считать январь 1982 года, когда состоялась премьера поэтического видео-арта достойного уровня «В тени Кадриорга», под руководством Павла Печенкина, Владислава Дрожащих и Виталия Кальпиди.

Процесс утверждения УПШ в пространстве русской литературы был начат культуртрегером Виталием Кальпиди, в который в дальнейшем включались остальные участники. В качестве определения УПШ мы будем понимать высказывание главного культуртрегера: «первая в стране широкомасштабная самоорганизовавшаяся творческая корпорация, что с конца 70-х годов прошлого века и по сей день иницирует новые поэтические смыслы». Несомненно, УПШ является культурным явлением, автономного и регионального характера, возникшим на основе уральских поэтических объединений и взаимовлияний трех главных городов – Пермь, Екатеринбург и Челябинск. Определение «школа», по словам Кальпиди, возникло без ориентировки на основное значение, в качестве самоутверждения и части названия. «УПШ - это в первую очередь социокультурный проект В. Кальпиди и примкнувших к нему авторов» [Энциклопедия УПШ 2013: 8]. То есть, процесс систематизации накопленного поэтического материала и опыта, а также дальнейшая

поэтическая деятельность представляет собой результат целенаправленной организации, направленной на продвижении уральской поэзии в культурное пространство - стратегия.

Синоним «поэтическое движение» по отношению к УПШ используется неслучайно: во-первых, «Уральское поэтическое движение (или уральская поэтическая школа) – термины, введенные в литературный и читательский оборот Виталием Кальпиди, поэтом и культуртрегером», во-вторых, данное явление основательно и продолжительно в своем образовании и развитии, принципом объединения уральских поэтов стали не только географические и исторические факторы, но и ряд идей, среди которых главной является актуализация регионального аспекта и взаимодействие региональной поэзии с общероссийской и мировой поэзией [Волкова 2014].

Ведь вопреки замечанию поэта и критика Дмитрия Кузьмина по поводу слабой развитости региональной поэзии в России («региональные поэтические школы в русской провинции если и возникают, то существуют, ввиду тяжелой социальной и культурной обстановки, недолго...»), УПШ продолжает продуктивно функционировать и представлять результаты деятельности на российском и даже мировом уровнях [Кузьмин 2008].

Изначально движение не имело определенных целей, но со временем поэтический процесс обрел концептуальную целостность, что способствовало продуктивным результатам. Происходит активная подробная документация опыта прошлых лет: в Антологиях современной уральской поэзии (1996, 2003, 2011), в исчерпывающих информационных блоках книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа» (2013), в текстах на сайте <http://www.marginaly.ru/>, в докладах и выступлениях на конференциях, круглых столах, семинарах, на презентациях очередного издания УПШ. Виталий Кальпиди в предисловии энциклопедии УПШ смело заявляет, что школа оправдывает свое случайное название: «первая в стране широкомасштабная самоорганизовавшаяся творческая корпорация, что с конца 70-х годов

прошлого века и по сей день инициирует новые поэтические смыслы»[Энциклопедия УПШ 2013].

Но систематизация опыта и анализ материала – это не основное достижение деятельности УПШ, в первую очередь, она сама по себе является основательным примером объединенной и целенаправленной деятельности на культурное обогащение русского языка через поэзию. Главный культуртрегер В.Кальпиди отводит поэзии особое значение – способность изменять сознание. В данном случае, согласно теории Бурдьё, на примере УПШ мы наблюдаем ту самую «коллективную игру в веру», которая придает сакральное значение единой деятельности.

Особых принципов и правил для объединения людей в данном поэтическом обществе не существует, так как основным объединяющим фактором является само уральское пространство. По мнению самого культуртрегера, именно оно организует метафизическое взаимодействие между участниками школы: «Современная уральская поэзия – это единый психо- геологический ландшафт и единая климатическая макростетика...»[Кальпиди 2013]

По отношению к государству поэтическая школа возникла и всегда существовала вопреки и параллельно. Из этого следует, согласно теории Бурдьё, УПШ как литературное поле имеет автономную позицию в поле власти, то есть ее деятельность не направлена на экономическое и политическое доминирование.

Главной миссией школы, которая «по наивности» в свое время получила это название, будучи поэтическим движением, как отмечает сам В.Кальпиди, является воспитание, поддержка самостоятельных авторов с целью увеличения их символического капитала, другим словом – статуса и значения в области литературы. В связи с этим, феномен УПШ нарушает «правило столицы»: вхождение в русскую литературу не через столичную литературу, а развитие самодостаточного регионального пространства со своей инфраструктурой и системой продвижения поэзии» [Волкова 2014].

Уральское поэтическое движение, благодаря своей массовости, разнообразию и качеству доказало, что высокодуховные люди не могут оставаться невостребованными, так как сами создают себе социальное и эстетическое предназначение. Долговременное же существование обеспечивается постоянством деятельности. По этому поводу культуртрегер ссылается на один культуртворческий закон: «халва реально образуется во рту на три тысячи сороковым произнесении этого слова»[Энциклопедия УПШ 2013]. Но достичь желаемого результата можно только в сумме судеб людей, которые решили двигаться в одном направлении.

### ***2.1.2. Полемика о существовании УПШ***

Одной из главных проблем (если это действительно являлось проблемой для В.Кальпиди как для культуртрегера) было сомнение некоторых лиц культуры по поводу действительного существования поэтического движения в качестве целостного предприятия, института, а не в качестве мифического или временного явления.

Стоит согласиться с поэтом Дмитрием Кузьминым, что данный вопрос является узкоспециальным, и культурологическая проблематика в данном случае несет интерес лишь для литературоведов, а не для обыкновенных читателей.

Сам факт существования дискуссии вокруг этого проекта подтверждает значимость УПШ в литературе. Например, многие участники круглого стола, посвященного выходу второго тома Антологии современной уральской поэзии, обменялись мнениями, подтверждающими важность данной деятельности. Тот же Дмитрий Кузьмин был поражен ее «концептуальной выдержанностью», благодаря которой можно наблюдать за развитием региональной поэзии, а не за изменениями взглядов участников проекта. Оценив по достоинству миссионерскую храбрость Виталия Кальпиди, он сетует, что региональная поэзия, к сожалению, никак не представлена на российской арене и чаще всего растворяется в

общекультурном. пространстве, а Антология уральской современной поэзии предлагают такую возможность – понять причину возникновения того или иного поэтического регионального явления, а также обнаружить специфику уральской поэзии: «Ведь был момент, когда казалось (со стороны, разумеется, из Москвы), что уральская поэзия переживает серьезный кризис: нет смены, за авторами, рожденными в начале 1970-х, – провал...» [Кузьмин 2001]

Конечно, основательную роль в образовании уральского поэтического пространства сыграл демиург Виталий Кальпиди. Недаром поэт Андрей Вознесенский сделал для себя открытие, познакомившись с двумя томами Антологии и обнаружив помимо самого Кальпиди других авторов качественного и достойного уровня. Вознесенский отметил УПШ как сильное звучание и указал четкую позицию школы по отношению к двум основным и постоянным: «Выпуском двух антологий Кальпиди “разделил” русскую поэзию как бы на троих: на Москву, Санкт-Петербург и Урал»[Круглый стол 2004].

Художник и поэт Дмитрий Пригов отнес УПШ к числу мощных поэтических школ, также наравне с московской и петербургской школами. Больше количество школ он не предполагает, так как считает ее возникновение особым явлением: «это проблема накопления критической массы реальных энергетичных людей»[Круглый стол 2004].

Критик Данила Давыдов считает Антологию единственной внятной репрезентацией региональной поэзии.

Существует и противоположная, резко отрицательная точка зрения на данный феномен. Критик и литературовед Дмитрий Быков, в принципе, не признает уральскую поэзию: «Уральская школа - что в лирике, что в роке, - всегда сводилась к набору штампов, к подчеркиванию своего трагического геополитического положения (провинция, экология, грязь, смог, наркота, влияние буддийского востока) и к культу ранней гибели. Отсюда - обилие

эпитафий в любой уральской антологии, непрерывные упоминания умерших, погибших, убитых в драке друзей» [Быков, 2003].

Например, литературтрегер и поэт Андрей Санников, получив впечатление от двух первых антологий, разочаровался в третьей, то есть в молодом поколении: «Объем лексики, интонирование, способ метафоризации – всё уже сделано предшественниками по УПШ<...> В общем - какое-то обильное, шевелящееся нашествие троечников» [Санников, Петрушкин].

Критик Александр Петрушкин принципиально утверждает, что уральской поэтической школы не существует, его мнение при всех надеждах за многие годы не изменилось. По его мнению, существуют отдельные поэты, проживающие частный поэтический путь. Он обвиняет УПШ - «мёртвую тётку», в ограниченности и узком подходе к отбору материала: «Под раскрученный бренд пытаются упаковать всех, кто пишет в пределах уральского геотопоса» [Санников, Петрушкин].

По этому поводу, в защиту поэтической школы хотелось бы привести очень точные слова издателя Марины Волковой, раскрывающие суть деятельности УПШ: «В основе школы — не список поэтов, не географический ареал их творчества, не единая манера письма, не традиции, не общие темы... В основе поэтической школы — идея. Остальное вторично» [Волкова 2017]. Она же раскрывает главные идеи, которые, по ее мнению, могут быть структурообразующими для других поэтических школ: творческое единение, направленное на развитие культуры, расширение духовного потенциала и борьба с примитивным мышлением, создание образа поэта-провинциала, который осуществляет поэтическую миссию, а не служит государству.

При систематичном исследовании и анализе феномена УПШ можно обнаружить, что данное явление представляет собой комплексное образование.

### ***2.1.3. УПШ как социальное явление***

В первую очередь, данное явление связано с попыткой трансформировать уральское пространство, объединив авторов разных поколений и эстетических взглядов, понять логику движения и развития поэтического движения.

Естественно, значимую роль в организации сыграли В.Кальпиди, а также его команда выдающихся поэтов-культуртрегеров — это прежде всего Юрий Казарин, Андрей Санников, Евгений Туренко, которые почувствовали в 90-ые гг. значительное расширение пространства и его стремительные изменения в связи с переходом в иное постмодернистское общество.

Как было замечено Мариной Волковой, поэтическая школа на Урале, основанная на поэзии «уральского треугольника» (Пермь, Челябинск, Екатеринбург), была создана «в противовес культурному центризму — период конца восьмидесятых — начала девяностых годов, завершившийся выпуском первой Антологии современной уральской поэзии в 1996 году» [Волкова 2017].

Границы структуры, образующейся внутри УПШ, определяются географическим положением.

Одним из важных моментов является принцип выделения авторов в отдельные поколения, который был обнаружен Д. Давыдовым в статье «Поколение vs поэтика: молодая уральская поэзия»: с учетом года рождения и поэтических практик — например, поколение «позднего андеграунда» (рожденные в конце 1960 – начале 1970-х гг.), поколение «промежутка» (середина и конец 1970-х гг.) и поколение «новой стилистической централизации» (рожденные в начале 1980-х гг.).

Еще один вопрос касается иерархии авторов, образующейся в рамках поэтической школы. В плане выбора круга авторов в целом - школа авторитарна, так как это решение остается за В.Кальпиди. Внутри школы существуют старшее и младшее поколения. За границами УПШ конечно есть поэзия, но она представляет собой хаотичное явление и не обладает

маркировкой и целенаправленностью, как поэзия, находящаяся под опекой культуртрегерской деятельности Кальпиди.

Стоит отметить, что поэтическая школа не ограничена региональными рамками. Этот проект продуцирует поэтические представления в культурное пространство страны и всего мира.

Главной идеей проекта является единение, несмотря на явную оппозицию к центру. УПШ демонстрирует практические возможности новой поэзии в качестве фундамента сверхчеловеческих отношений нового уровня: «...Чтобы уральские поэты разных ориентаций, возрастов и прочее и прочее... взглянули бы друг на друга со страниц этой книги и ощутили, что они хоть сводные, но всё-таки братья»[Антология 2003]. Неслучайно Александр Пермяков обратил внимание, что уральская поэтическая школа — «это братство людей, связанных личными отношениями и мировоззрением, но не формальными признаками»[Сафронова 2012: 202].

Осуществление этой идеи происходит за счет целенаправленных действий, направленных на социальное преобразование:

1. Работа с молодым поколением, поэтому внутри УПШ выделяются «именные» школы: нижнетагильская школа-семья Евгения Туренко, школа-секта Андрея Санникова, круг Юрия Казарина в виде эффективного сценария «фан-клуба»;

2. Организация межличностного и межгородского взаимодействия, издательская деятельность, издание журналов, серий книг, фестивальное движение, система акций и мероприятий, организация деятельности клубов, студий, фондов;

3. Вовлечение учёных в процессы рефлексии уральского поэтического движения, анализа творчества отдельных поэтов и УПШ как культурного явления в целом;

4. Возвращение читательской аудитории, привлечение внимания к поэзии, создание условий для активного интереса к деятельности УПШ.

## ***2.2. Анализ внутренней структуры УПШ как актора литературного поля, законы функционирования и внутренние отношения позиций***

### ***2.2.1. Идеологическая направленность и распределение капитала власти***

Особенность УПШ заключается в том, что структурно она представляет собой целый регион, а не соперничество мегаполисов или отдельных институтов. В данном случае, уральское поэтическое движение своим долговременным существованием подтверждает продуктивность общественного единения.

Данный процесс начался естественным образом: в конце 80-х годов прошлого века была создана ось Пермь–Свердловск. Пермские и свердловские поэты имели множество точек соприкосновений с местными художниками и музыкантами, что благоприятно воздействовало на формирование культурного творческого пространства. В течение трех лет (уже к 1990-му году) в уральской поэтической среде сложился высокий уровень «региональной осведомленности», уральские коллеги разрабатывали и свободно ориентировались как в столичном контексте, так и в парадигме уральских смыслов.

На ранних этапах развития движения большую роль сыграл город Челябинск, да и в наши дни он продолжает играть фундаментальную роль (тесное сотрудничество и поддержка УПШ челябинским издательством Марины Волковой). До 1995 г. Челябинск как поэтическое пространство находился в зародышевом состоянии: существовали отдельные авторы со среднестатистическим уровнем поэтического сознания такие, как А.Гашек, Н.Ягодинцева. Для развития поэзии этого количества авторов было недостаточно – необходима движущая сила в лице нескольких десятков.

Но уже с 1996г. благодаря поэтическим инициативам, пространство начинает вбирать в себя не только крупные города Пермь, Екатеринбург, Челябинск, но и другие небольшие города Урала.

Идеологическая направленность, философско-поэтические основы УПШ понимаются как совокупность идей ряда авторов, объединенных рамками литературного поля.

Диахронный подход позволяет рассматривать в динамике поэтическое движение от первого к третьему поколению поэтов, выделенных условно на определенном единстве мировоззренческих принципов. На основе разделения поэтов на три поколения были изданы три тома Антологий современной уральской поэзии (1996, 2003, 2011). Важную роль в выделении того или иного поколения играл не возраст, а принадлежность к определенной социальной эпохе.

В первом томе антологии сосредоточено внимание на стихах, написанных до 90-х или в начале 90-х годов, по определению Загидуллиной М., «бogoоставленная» поэзия, для которой характерны такие темы и мотивы: акцент на философии, борьба с давлением советского, отсутствие любой советской риторики уже является знаком «инакомыслия», стремление поэзии к надмирности (растворение в диалоге с Высшим Бытием), внесоциальности, даже асоциальности. В поэзии социально-исторические условия реализуются в подобных мотивах: молчание, ритуализация обычной жизни, осмысление телесности, попытки преодоления бренности, безысходность. К первому поколению относят таких поэтов, как Мокша, Тягунов, Дрожащих, Казарин, Кальпиди и другие.

Второе поколение УПШ младше первого на 10–20 лет, но совершенно с иным мироощущением, сформированным в условиях 90-х годов, отличается огромным количеством социальной свободы, повлиявшей на поэтический дискурс: гедонизм, неограниченная возможность выразить собственное «я», поэтическая растерянность, нереализованность, отсутствие институционализации, потребность в формах общественного единения, обращенность к Другому, философия конечности бытия. Вторая поэтическая волна поэтов – Самойлов, Петрушкин, Куроптев, Симонова, Сунцова и другие. Для поэзии этого поколения характерны такие мотивы, как

бессмысленность, замкнутое пространство, отсутствие сакральности, равнодушие к жизни, культ тоски, телесность, бесцельное передвижение [Загидуллина 2013: 14].

Третье поколение УПШ (Грантс, Ионова, Пермяков, Ивкин и другие) представлено в основном молодыми поэтами, но многие из них родились в 70-е годы (то есть, по возрастным принципам ближе ко второму поколению). Их творческая деятельность осуществляется в условиях новейших социальных перемен: появление в обществе более или менее внятных ориентиров, но – как и в советское время – начинаются ограничения, происходит разочарование в «так желаемой свободе», отталкивание и неприятие социальной действительности в отношениях с миром, построение индивидуальной альтернативной системы жизни на основе идеалистических представлений, философия самодидактики и субъективного идеализма. В поэзии поэтами третьего поколения продолжается мотив телесности, доходящий до крайнего натурализма в отличие от второго поколения, с этим же мотивом связан мотив уродства, также актуален мотив еще большей «богоненужности» [Загидуллина 2013: 18].

### ***2.2.2. Коммуникации, инфраструктура, система мероприятий УПШ***

Институты внутри структуры УПШ возникают в результате инициативы и личного желания участников процесса. То есть, поэтическое движение существует не за счет этих институций, а наоборот, их успешная деятельность – это результат трансформации энергетического устремления первого поколения последующими в творческую практику.

Осознание значимости данного процесса произошло благодаря преодолению «концепта творческого эгоцентризма» и принятию за основу идеи общего творческого самовыражения [Кальпиди 2013: 476].

Первоначальным фундаментом инфраструктуры УПШ стали литературные кухни/квартиры. Сюда относится деревянный дом Гавриловых - художника-философа Валерия и Зинаиды (по словам Андрея Козлова,

«сверхъяркая, особенная звезда, благодаря своей пугающей, почти шизоидной экстравагантности») в Свердловске с конца 70-х и до начала 90-х гг., где часто собирались поэты-художники, в числе первых бывали Р. Тягунов, А. Парщиков, В. Дрожащих, А. Козлов, Е. Касимов. По воспоминаниям Виталия Кальпиди, «Сандро Мокша пришел в восторг от своего ужаса - ужас ужасу рознь, испытанного им при посещении Зинаиды Гавриловой» [Кальпиди 2013: 477].

В том же Свердловске известностью пользовалась двухкомнатная квартира Майи Никулиной в здании «сталинской постройки». «Как человек высокого творческого накала Никулина» не ограничивала свое общение с поэтами в качестве ведущей литобъединения и приглашала их, разных поколений и направлений, на неформальное кухонное общение. Многие представители УПШ относились к «никулинскому кругу». Как вспоминает поэт Юрий Казарин, «кухня Майи Никулиной был академией культуры, философии, истории, языкознания и художественной словесности», где происходило взаимообучение учителей и учеников, а хозяйка квартиры своим примером показывала, каким «должен быть поэт в жизни и в литературе» [Казарин 2011].

В Перми приютом для молодых не только пермских поэтов (В. Дрожащих, В. Лаврентьев, В. Кальпиди, В. Киршин, Ю. Беликов, Н. Городнова, М. Спалле, В. Субботина, Д. Долматов) стал Дом Елены Медведевой. По воспоминаниям самой хозяйки, так проходили поэтические встречи: «все писали, все друг другу читали, были идеи какие-то, сценарии делать на телевидении, пару раз в пермские школы ездили с выступлениями».

Также радушием и гостеприимностью славилась квартира супругов Нины Горлановой и Вячеслава Букура еще с конца 70-ых гг., где встречи, повлиявшие на творческий климат Перми, проходили каждый божий день. К числу посетителей относились писатели, поэты, ученые, журналисты, рабочие, тунеядцы - среди них Ю. Беликов, Н. Гашева, Д. Долматов, В.

Дрожащих, В. Кальпиди, А. Королев, А. Решетов, В. Соколовский, М. Шаламов, Л. Юзефович, О. Седакова, И. Смирин, Л. Кертман и многие другие.

Что касается Челябинска, то до начала двадцать первого века город поэтически был не продуктивен, несмотря на фундаментальные отдельные инициативы. К подобным неформальным встречам можно отнести квартиру Н.Ф. Болдырева, а также «Клуб вечерних сигар» (студенческое литературно-философское общество), активными участниками которого были Сергей Молчанов и Сергей Субботин. Во второй половине 90-х молодые поэты тусовались в квартире поэта и прозаика Екатерины Минеевой или у талантливой поэтессы и начинающего культуртрегера Ирины Кадиковой.

Вторыми в иерархии выступили объединения и сообщества. К таким можно отнести такие группы, которые были связаны с развитием УПШ: группа «Времири» - поэтическое объединение, возникшее на филфаке ПГУ по инициативе поэта, студента-филолога Ю. Беликова (и ее модификации – «Политбюро», «Монарх»), «Интернационал» и «Сибирский тракт». Творчески ориентированной была группа «Одекал», отличавшаяся «последовательным отстаиванием своей арт-позиции, арт-философии, арт-практики»[Сидякина 2013: 491].

В числе первых были неофициальное творческое объединение молодых поэтов и художников «ЭСКИЗ» в Перми 1977–1980-е, где «царила атмосфера творческого азарта и раскованного общения, объединявшая молодых художников, литераторов, журналистов, музыкантов, театралов» под руководством скульптура В. Жехова и молодых литераторов П. Печенкина и Ф. Плотникова; «Картинник» в Свердловске - арт-панк-группа, основанная Б.У. Кашкиным в 1986г., особенность которой была в том, что со своей литературно-художественной продукцией они выступали прямо на улице, в фойе концертных залов и так далее.

Помимо объединений, в истории УПШ работали три общественных фонда. «Юрятин» был образован в Перми в 1894г. по инициативе доцента

кафедры русской литературы ПГУ Владимира Абашева и поэта Виталия Кальпиди, имел три направления в своей деятельности: книгоиздание, творческие контакты, исследования. С 1995 г. совместно с городской библиотекой им. Пушкина фонд «Юртин» развернул масштабную программу творческих вечеров «Литературные среды в Доме Смышляева», в рамках которой в Перми побывали несколько десятков ведущих российских литераторов[Сидякина 2013: 502].

«Галерея» - фонд, созданный В. Кальпиди в Челябинске при административной поддержке В. Трегубенкова для реализации программы «Уральская литература – новая реальность», целью которой было объединить современную уральскую литературу с общероссийским контекстом.

В Екатеринбурге, например, уже в нулевых (2006) появился клуб «ЛебядкинЪ» – литературная студия Андрея Санников, изначально на базе редакции журнала «Урал». В этой студии зачитывались лекции, происходили поиски литературных форм, проводились тренинги с творческими заданиями.

Многофункциональная активность начала проявляться с появлением культурных фондов. По причине понижения уровня энтузиазма отцов-основателей фонды своей фактической исчезновением открыли дорогу серии индивидуальных проектов.

На третьем месте - первые издательские программы, локальные фестивали и различные премии, которые способствовали формированию пространства УПШ и в дальнейшем подтверждали ее основательность. Примерно с 1992 г. началось созревание издательской деятельности (до 90-ых гг. издания не обладали систематичностью и целенаправленностью). После выхода первого тома АСУП в 1996 г..

Пермская газета «Молодая гвардия» одна из первых с 70-ых гг. заинтересовалась стихами радикально модернистского характера (В.Кальпиди, В.Дрожащих).

Но настоящим утверждением новой уральской поэзии стал знаменитый первый номер журнала «Урал» за 1988 г. – новая для того времени проза, поэзия, публицистика, а в оформлении использовалась «иная» живопись.

Большую роль сыграли книжные издательства Пермское и Средне-Уральское: впервые в литературном процессе под одной обложкой встретились поэты старшего и молодого поколения Урала. В Челябинске до 1995г. издательство не развивалось в направлении УПШ, сюда только можно отнести журнал «Имидж» и альманах «Остров», что представляли собой смесь публицистики и просветительской информации.

Еще одним важным поэтическим жестом стала серия поэтических книг, изданных В. Кальпиди совместно с Е. Субботиным при участии В. Абашева в течение одного года (1992– 1993) - «Классики пермской поэзии».

Первый «толстый» литературный журнал, носивший идеологический характер УПШ, «НЕСОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ», выходил сначала в Перми с 1995 по 1997, затем в Челябинске.

«УРАЛЬСКАЯ НОВЬ» – еще один толстый литературный журнал, отличавшийся особым стилем, издавался в Челябинске в 1998–2004 гг., благодаря которому уральская поэзия обрела авторитетный статус в общероссийском литературном процессе.

Основополагающим для поэтической школы Урала является процесс выхода многотомных изданий «Антология современной уральской поэзии» - культурная акция, которая длится уже восемнадцать лет. Издания антологий стали «творческой хроникой уральской поэтической школы, динамичным “срезом” поэзии, рождающейся на Урале», благодаря внимательному отбору материала и его структурированию в социально-историческом аспекте – каждый том представляет собой отдельное поколение [Сафронова 2012].

1 том вышел в 1996 г. в издательстве фонда «Галерея» тиражом 1000 экз. и включил в себя 30 сольных подборок и стихи 3-х поэтических групп из 5 городов региона. Средний возраст поэтов 35 лет. Составитель В. Кальпиди.

Для печати использовалась пермская типография «Звезда». Финансировали издания: фонд «Галерея» (Челябинск), Челябинский фонд культуры, фонд «Юртин» (Пермь), а также Виталий и Вера Кальпиди (Челябинск). В оформлении книги принимал участие дизайнер А. Данилов.

2 том вышел в 2003 г. в издательском доме «Фонд Галерея» тиражом 1000 экз., включив в себя стихи 60 поэтов из 7 городов Урала. Средний возраст поэтов 40 лет. Составитель В. Кальпиди. Для печати использовалась типография «Уральский рабочий» (Екатеринбург). Финансировали издания журнал «Уральская новь», ИД «Фонд Галерея», Виталий и Вера Кальпиди.

3 том вышел в 2011 г. тиражом 500 экз. К печати его подготовила несуществующая издательская группа «Десять тысяч слов». Состав авторов увеличился до 77 поэтов, представляющих 17 уральских городов и поселений. Средний возраст поэтов 37,5 лет. Главный редактор В. Кальпиди. Составители – Я. Грантс, С. Ивкин, В. Кальпиди, А. Сидякина, Е. Туренко. Для печати использовалась типография «Челябинский Дом печати». Финансировали издание на паритетных началах министерство культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края, а также Виталий и Вера Кальпиди.

Также еще одной площадкой для публикаций уральских поэтов был столичный альманах «Золотой век», выходивший примерно раз в четыре месяца с 1992 по 2001 г. Главный редактор и автор проекта – поэт Владимир Салимон. В 1997г. один из номеров журнала решили отдать полностью уральским авторам. Этот жест был возможен благодаря художественной самостоятельности уральского движения, которое на тот момент серьезно о себе заговорило. В номере были опубликованы проза, стихи, переводы А. Санникова, А. Козлова, А. Гашека, А. Застырца, Р. Тягунова, Н. Болдырева, В. Курицына, И. Кадиковой, Ю. Кокошко, А. Матвеева, Р. Валеева, А. Шабурова, И. Андрощука и др. В роли редактора-составителя издания выступил В. Кальпиди.

В 2000 г. на страницах одного из авторитетных поэтических европейских изданий «POESIA» в переводах П. Гальваньи была напечатана солидная подборка поэтов УПШ: Владислава Дрожащих, Аркадия Застыльца, Юрия Казарина, Андрея Санникова, Евгения Туренко, Романа Тягунова. Данная акция дала старт международной акции «Поэзия и Взаимодействие».

Деятельность УПШ до 2000 г. была по-настоящему структурообразующей, в последующие же годы она представляла собой естественное развитие и рост, образованная структура наполнялась продуктивным содержанием.

С 2010 г. в Перми выходит литературный журнал «ВЕЩЬ» с периодичностью – два номера в год. Главный редактор журнала - Павел Чечеткин. Один из основателей журнала – Борис Эренбург, директор рекламного агентства и издательства «Сенатор». Идея нового литературного журнала возникла на первом поэтическом фестивале «СловаNova» в 2009г., где ярко заявили о себе ряд молодых пермских поэтов (А. Пермьяков, И. Козлов, А. Евстратов, А. Бахарев-Черненко и другие). Особенностью этого журнала является постоянная поддержка живого поэтического процесса и проведение творческих акций, мастер-классов, круглых столов, участие в региональных фестивалях «Живая Пермь», «СловаNova» и «Текстура», организация ежегодных поэтических чтений «Биармия».

Еще одна пермская литературная газета «СВЕЖАК» выходит с 2012 г. с нерегулярной периодичностью. Автор идеи и редактор – Антон Бахарев-Черненко. Издатель – Борис Эренбург. Главная идея издания - выпуск номеров газет со стихами местных авторов, чьи произведения созданы за последние четыре-восемь недель, тем самым стимулировать творческий процесс. Достоинством издания является предельная демократичность.

В Челябинске учрежден поэтом и педагогом Константином Рубинским на собственные средства в 2012 г. российский журнал молодой поэзии «Стержень». Периодичность – 2 раза в год. Журнал дает возможность

молодым авторам до 21 года пройти обучение поэтическому мастерству с помощью специальных мастер-классов, учрежденных на страницах журнала.

В современном поэтическом процессе воодушевляет сотрудничество УПШ с издательством Марины Волковой (Челябинск), созданным в 2007 г. Благодаря этому издательству на свет появились книги челябинских поэтов И. Аргутина и Я. Грантс. В 2013 г. вышел коллективный сборник молодых поэтов Челябинска «На достаточных основаниях».

Совместный проект Виталия Кальпиди и Марины Волковой 2014 г. – серия книг «ГУЛ» (Галерея уральской литературы), представляющая уральскую поэзию в лице 30 лучших авторов движения последних 30 лет (например, Е.Ионова, А.Санников, Р.Тягунов, Я.Грантс и другие). Проект в дальнейшем модифицировался в различные форматы и носил распространительную и преобразовательную функции для уральской поэзии. Литературовед Л.П.Быков высоко оценил значимость этого проекта на поэтической встрече в Челябинске и выразился о ГУЛе, как о: «деле уже решившимся, способным повлиять на ситуацию с литературой в современном мире» [Леонид Быков о «ГУЛ»е 2014].

Благодаря сотрудничеству УПШ с «Издательством Марины Волковой», появились общие проекты и с другими изданиями: один из них – проект 2015 г. «Современная поэзия. Современный человек», посвященный Году литературы, совместно с московским издательством «Воймега». Цель этого проекта - сделать современную поэзию частью образовательной и культурной среды, которая предполагала знакомство со современными поэтами в течение года различными способами (информативное распространение на стендах в различных учреждениях, чтение стихотворений, организация поэтических вечеров, семинаров, конкурсов чтецов, выставок книг и публикаций, а также личное знакомство и встреча с авторами и другие).

Также показателем качества и активности деятельности УПШ стал проект «Русская поэтическая речь-2016» - самый масштабный и

обсуждаемый проект последних лет. Главная идея проекта представить современную русскую поэзию не как сумму индивидуальных поэтических достижений, а единый поток поэтических взаимоотношений.

В интервью «Вечернего Челябинска» издатель Марина Волкова объясняет концептуальное значение этой проектной деятельности так: «восприятие текста часто загромождается посторонними наслоениями», которые чаще всего создают маркетологи издательств, поэтому выходу очередной новой книги сопутствует многосторонняя реклама в массовых коммуникациях, формирующая представление об авторе и его творчестве и влияющая на восприятие текста. Этот проект предлагает без фамилий на титульном листе «по-настоящему всмотреться в текст, не защищенный ничьим авторитетом» [Медведкина 2016].

На основе этого проекта было издано два тома антологий. 1 том - книга «Русская поэтическая речь – 2016. Антология анонимных текстов», издан в ноябре 2016 г., где представлены 115 стихотворений ранее нигде не публиковавшихся, современных поэтов России и зарубежья, пишущих на русском языке, без указания авторства текстов. До издания второго тома авторы сохраняли анонимность. Всеобщее удивление по поводу уникальности поэтического продукта было выражено в статье Надежды Медведкиной: «Как оказалось, антология все же сумеет удивить. Начнем с того, что она будет анонимной. Подобных примеров русская литература еще не знала. Если, конечно, не говорить о совсем уж древнем периоде, когда не существовало самого понятия авторства» [Медведкина 2016].

2 том вышел в апреле 2017 г. и был представлен сборником критических и аналитических статей «Русская поэтическая речь – 2016. Аналитика: тестирование вслепую». Материалом для сборника стали аналитические и критические статьи 60 авторов в качестве рефлексии по 1 тому.

В результате данный проект имел продвиженческий характер для уральской поэзии в общероссийском контексте: круглые столы и семинары

по первому тому, экспресс-конференции по второму тому, поэтический сериал «РуПор», создания и распространения дайджестов, проекты-«угадайки» («Образ поэта» – описание поэта по прочитанной главе; «Эксперт» и «Экспресс-эксперт» – узнавание имен авторов подборок; «Угадай поэта» – по обложке первого тома и «Угадай критика/литературоведа» – по обложке второго тома), исследование читательского восприятия с помощью масштабного анкетирования.

Продолжением РПР стал проект, стартовавший в апреле 2018 г., «Опыт прочтения» – подробное представление каждого из участников сюжет-проекта «Русская поэтическая речь-2016» и современной поэзии в целом. Проект осуществляется и будет осуществляться в нескольких форматах: печатная публикация статей по заинтересованному материалу или поэту, публикация и распространение в сетях, лекции-схемы, мастер-классы по прочтению современной поэзии в различных городах. Главная цель проекта – «инициирование и продвижение опыта чтения, обсуждения современной поэзии и пропаганда новых стратегий чтения» [Опыт прочтения 2018].

Также под издательством Марины Волковой в 2017 г. появилась на свет одиннадцатая книга стихотворений Виталий Кальпиди «Русские сосны» как результат поэтического осознания нового русского миропорядка.

В 2018 г. этим же издательством учрежден научный журнал «Вестник Уральской поэтической школы», посвященный современной поэзии уральского движения, периодичностью два раза в год, выход первого номера предполагается в декабре. Главными целями издания являются развитие теории поэзии, исследование истории уральской поэзии, проектирование будущего русской поэзии «на основе гуманитарно-созидательных технологий» [Вестник УПШ 2018]. Следовательно, рубрики данного журнала будут посвящены научным исследованиям различных аспектов современной уральской поэзии.

Большой интерес вызывает определение УПШ М. Волковой в аннотации: «действующая модель русской поэзии как перспективная социокультурная практика», а также ряд терминов, которые предполагают ввести в научный оборот - среди них «поэтическая корпорация». Всё это, несомненно, является подтверждением, что продвижение и развитие УПШ – это результат системной и целенаправленной деятельности, стратегия которой может быть использована другими регионами.

В рамках научной деятельности на базе учебных учреждений периодически проходят научные конференции, посвященные вопросам, касающимся УПШ: например, первая конференция «Уральское поэтическое движение (1981–2013): история, аналитика, прогнозы», которая состоялась на базе Уральского федерального университета в сентябре 2014 г.. В ней приняли участие известные филологи, литературоведы, критики такие, как М. Загидуллина, М. Липовецкий, А. Сидякина, Н. Гашева, Л.Зубова и другие.

В апреле этого же года на филологическом факультете ЧГПУ проводился молодежный научный семинар «Уральская поэтическая школа рубежа XX-XXI вв. глазами студентов», в котором приняли участие лучшие пермские и челябинские будущие филологи и журналисты.

Также одной из форм научного обсуждения становятся круглые столы, посвященные выходу различных книг. Например, в апреле 2018 г. круглый «Сборник критических статей: гадкий утёнок на литературном дворе», состоящим из профессиональных критиков, которые посвящали свои статьи и эссе вопросам литературы - Л. Вязмитинова, А. Марков, А. Житинёв, А.Голубкова и другие [Гадкий утёнок на литературном дворе 2018].

Что касается фестивальной деятельности, то первой попыткой выхода в свет УПШ в чистом виде был большой фестиваль вечер в Пермском драматическом театре в 1993 г., посвященный завершению издательской серии «Классики пермской поэзии». На вечере выступили поэты из Уфы, Свердловска, Челябинска и Перми.

Региональные фестивальные акции на Урале в 90-ые гг. выглядели неосновательно и чаще всего оставались на этапе оригинальной идеи.

К одному из первых заметных фестивалей можно отнести движение «Антипровинция», придуманное тремя поэтами – Наталией Санниковой, Сергеем Симоновым и Александром Шалобаевым при участии бизнесмена Александра Колганова в 2002 г., которое со временем стало крупным фестивалем «ЛитератураРентген». Премияльный статус фестиваль обрел с присоединением и влиянием Елены Сунцовой.

Особое значение у челябинского поэтического фестиваля «Глубина» (2007, 2008, 2011 гг.), целью которого являлся смотр литературных объединений. Как отмечает сам инициатор проекта Олег Синицын, «Глубина» - «стартовая площадка для роста многих поэтов, и соревновательная область, и территория общения, и праздник поэзии, и оправдание или не оправдание надежд» [Энциклопедия УПШ 2013: 545].

Большую роль в поэтическом движении сыграл пермский фестиваль поэзии «СловоNova» (СловоНова) – 2009, 2010, 2011, 2013 гг. «СловоNova» – инициатива Марата Гельмана, осуществленная с помощью кураторов - Марины Абашевой, Эдуарда Боякова и Андрея Родионова. «СловоNova» – «Самый идеологически осознанный и продуманный фестиваль», по мнению В.Кальпиди [Энциклопедия УПШ 2013: 543].

Форматом реализации проекта «ГУЛ» (Галерея уральской литературы) стал День поэта, основанный весной 2014 г.. Данное мероприятие предполагает максимальную концентрацию на определенных поэтах в виде разговора о творчестве и звучания стихотворений на площадках уральских городов (учебные заведения, библиотеки, театры, музеи, кафе и так далее): например, День Кальпиди в Челябинске, День Ионовой в Троицке и другие.

В октябре этого же года «ГУЛ» представил новый проект «ПРОГУЛКИ» - поэтический микрофон в режиме «слово и дело», проходивший в Екатеринбурге в библиотеке Белинского, то есть звучание и издание стихотворений самых ярких участников в один день.

В 2015 г. в Челябинске стартовал фестиваль поэзии и поэтов "ГУЛ", в программе которого состоялось 50 мероприятий на множестве площадок различных городов России - поэтический баттл "Поэты Екатеринбурга против поэтов Челябинска", Чемпионат литературных журналов "Самопал", концерт "Голоса УПШ", с живым звучанием стихов и песен на стихи уральских поэтов, лекции по видеопоззии, презентация новой книги Виталия Кальпиди "Избранное" и другие. Разнообразие форм фестиваля восхищает своей многофункциональностью – информативность, развлекательность, образование, культурное обогащение. В его процессе уральская поэзия представлена поэтами из Екатеринбурга - Константин Комаров, Ольга Исаченко, Сергей Ивкин, Ярослава Широкова, из Нижнего Тагила - Елена Ионова; из Перми - Антон Бахарев-Черненко; из Троицка - Вадим Балабан, из Магнитогорска - Наталья Карпичева; из Челябинска - Виталий Кальпиди, Янис Грантс, Александр Самойлов, Константин Рубинский, Ирина Аргутина и другие поэты Урала [Фестиваль поэзии и поэтов "ГУЛ" 2015].

В рамках этого же проекта один из последних фестивалей, названный автопробегом, «ГУЛ/2017/фестиваль поэтических интервенций», состоялся в сентябре в трех городах Урала - Магнитогорск, Челябинск, Екатеринбург, и пермская часть - в ноябре в рамках фестиваля "Компрос". Как следствие фестиваля, стало привлечение ученых к работе над монографией по УПШ, издание которой планируется на 2018 г.

Базой для фестиваля стали важные события, касающиеся УПШ: выход в августе 2017 г. альманаха-навигатора «Паровозь», принадлежащего Союзу российских писателей. Выпуск был полностью посвящен уральской поэзии и включил в себя 70 авторов из 12 городов Урала, что в литературном общероссийском процессе стало первым случаем, чтобы одно поэтическое объединение предлагало услуги издания для другого сообщества. Помимо этого, данное сотрудничество стало широким жестом между оппозициям «центр – регион», что тоже не мало важно в легализации УПШ как актора литературного поля.

В феврале 2018 г. поэтическая школа презентовала проект международного уровня «Жестикуляция», что, несомненно, стало показателем высокого роста УПШ и причиной благоприятных прогнозов для дальнейшего развития. Новый проект затрагивает одну из актуальных проблем современного мира – непонимание, межличностное, локальное, международное... Первый этап проекта объединил поэтов и читателей России и Франции, в результате чего была издана книга «Воздух чист...». В книгу вошли стихотворения русских поэтов, переводы этих стихов на французский язык, а также стихотворения французских поэтов и вариации на эти стихотворения, сделанные русскими поэтами. В книге на русском и французском языках представлены стихотворения 23 русских и 7 французских современных авторов. Трое из русских авторов - из Челябинска: Виталий Кальпиди, Янис Грантс, Елена Оболишта [Презентация международного проекта УПШ «Жестикуляция» 2018].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что поэтический процесс, в который вписывается УПШ и который самостоятельно формирует поэтические смыслы, представляет собой целенаправленную, структурированную деятельность на протяжении долгих лет с разной степенью активности в зависимости от общественно-исторической ситуации. Издательское сотрудничество, постоянные публикации, организация поэтических акций и фестивалей подтверждает многожанровое своеобразие и творческую продуктивность образованного естественным путем проекта, существование которого поддерживается активной инициативой и заинтересованностью культуртрегеров и участников УПШ.

### ***2.2.3. Роль культуртрегера в развитии литературного поля.***

#### ***Внутренние отношения позиций и диспозиций УПШ***

Для начала необходимо разобраться в значении слова, пришедшего в употребление из иностранного лексикона - от *нем.* Kulturträger - носитель культуры. Первоначальное значение слова «культуртрегер» - распространитель просвещения, носитель культуры, способствующий духовному развитию, умственному и нравственному совершенствованию [Попов 1907].

Со временем у слова появился ироничный стилистический оттенок, который никак не относится к нашему предмету исследования: человек (колонизатор), прикрывающий свои корыстные, захватнические цели под маской распространения культуры, просвещения [Захаренко 2008].

В поэтическом пространстве Урала культуртрегер, в первую очередь, авторитетный поэт, главной инициативой которого является сохранение культурных ценностей от поколения к поколению. Именно это стало основой для формирования цельной инфраструктуры УПШ и непрерывного существования процесса.

Помимо этого, развитию движения на протяжении всех лет способствовала естественная конкуренция между позициями, так как в процесс было вовлечено огромное количество активных и инициативных людей: из Перми - Ю. Беликов, В. Абашев, М. Абашева, А. Сидякина, В. Дрожжих, из Екатеринбурга – А.Бурштейн, А. Санников, В. Курицын, С. Ивкин, из Челябинска – Л. Романова, Н. Ягодинцева, Д. Кондрашов и другие.

Почему конкуренция является естественным явлением для культуртрегерства – так это, в первую очередь, диалог между человеком и культурой, а значит, здесь не обходится без полемики и конфронтации.

Существует заблуждение, что литературный процесс как культурный феномен имеет свои законы, и именно они определяют ход событий. Художественное творчество может существовать естественно и без символического подтверждения, но в таком случае судьба поэта, как

правило, трагична, потому что весь его внутренний потенциал направлен не в пространство, а в самого себя. Культуртрегеры организуют коллективную деятельность. «Это не менеджер, не продюсер, не спонсор» [Волкова 2017]. Это призвание отдельного человека, его личностное проявление, направленное на формирование, созидание, сохранение [Энциклопедия УПШ 2013: 430].

Культуртрегерская деятельность требует человеческой многофункциональности. Конкретно в литературной сфере это огромный список необходимых знаний - программное обеспечение, типографская деятельность, редакторское дело, управление, литературоведение, творческие способности, и личных качеств – целеустремленность, организованность, психологическая устойчивость, самостоятельность.

Данный вид деятельности можно отнести к культуртрегерству, если она длится на протяжении пяти лет без существенных прерываний и с постоянными продуктивными результатами. В результате в кругу единомышленников у определенных агентов вырабатывается авторитет, способствующий сохранению идентичности литературного поля.

Одним из главных культуртрегеров УПШ является Кальпиди Виталий Олегович - поэт, прозаик, эссеист, критик, издатель, клипмейкер, дизайнер. «Одним из первых в стране теоретически сформулировал и практически реализовал стратегию регионального культуртрегерского движения» [Энциклопедия УПШ 2013: 432].

К его основным акциям относятся: организация Пермского клуба поэзии в 1987 г., с 1992 по 1993 гг. совместно с Е. Субботиным издание книжной серии современных уральских поэтов «Классики пермской поэзии», создание вместе с В. Абашевым общественного фонда культуры «Юрятин» в 1994 г., издание вместе с В. Абашевым толстого литературного журнала «Несовременные записки» с 1995 по 1997 гг., создание в Челябинске гуманитарного фонда «Галерея» в 1996 г., участник редколлегии журнала «Уральская новь» с 1998 г.

Помимо этого, Кальпиди является обладателем таких литературных премий, как премия им. Б. Пастернака (2003), премия «Slovo» (2010), премия им. П.П. Бажова (за книгу "IZBRANNOE", 2016), Специальная Международная Волошинская премия в номинации "Лучшая поэтическая книга за 2015 год на русском языке" (за книгу "IZBRANNOE", 2016) и другие. Одной из последних наград стала Премия Андрея Белого-2017, которую Кальпиди получил не как поэт, а как культуртрегер: «за тридцатипятилетний труд по созданию, документированию и продвижению Уральской поэтической школы», а также «за сюжет-проект «Русская поэтическая речь-2016» [Медведкина 2017].

Касимов Евгений Петрович принимал участие в значимых акциях свердловского поэтического движения, начиная с середины 80-х гг. Как преданный литературе человек, проявил такие важные черты для организатора – терпимость к разным людям, самоотдача, карьеризм, способность работать в коллективе. Как было сказано художником А.Козловым в статье «Нехорошая квартира»: «Самый-самый, наверное, культуртрегер, по крайней мере, литературтрегер в городе Екатеринбурге» [Энциклопедия УПШ 2013: 438].

В 1999 г. начал созидательную деятельность еще один культуртрегер Петрушкин Александр Александрович. Благодаря его суммарному упорству в организации фестивалей, издательской работе, кураторстве евразийского журнального портала «Мегалит» поэтическое движение Южного Урала активно существовало. Основные проекты с участием Петрушкина А.А.: литературный конкурс «Стилисты добра», издание поэтической серии «24 страницы современной классики» с 2002 г., журнала современной литературы «ТранзитУрал» с 1999 г., книжной серии «АРеал» (Антология реальной литературы), организация фестиваля нестоличной поэзии им. Виктора Толокнова с 2006 г., литературной независимой премии «П».

Также к числу известных южно-уральских культуртрегеров относится Сеницын Олег Николаевич (журналист, поэт, бард). Его вкладом в развитие

УПШ является основание в 2003 г. «Издательского дома Олега Сеницына», издание книг молодых челябинских поэтов, организация межрегионального фестиваля литературных объединений «Глубина».

Помимо представленных людей существует большое количество активистов, принимавших и принимающих активное участие в развитие поэтического движения на Урале.

### **ГЛАВА 3. ПРИМЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПШ (АНАЛИЗ ТВОРЧЕСТВА УРАЛЬСКИХ АВТОРОВ НА МАТЕРИАЛЕ АНТОЛОГИИ МОЛОДОЙ ПОЭЗИИ УРАЛА «ШЕПЧУТСЯ И КРИЧАТ»)**

Материалом для микроисследования стал сборник «Шепчутся и кричат» (2016 г.) - антология молодой поэзии Урала под редакцией участников Уральской поэтической школы А.Бахарева-Чернёнка (Пермь), Сергея Ивкина (Екатеринбург), Константина Рубинского (Челябинска) Сборник составлен по итогам конкурса «Смотр молодой поэзии Урала», проведенном в 2015 году «Издательством Марины Волковой» совместно с журналом «Вещь». В данном смотре приняли участие сто двадцать шесть поэтов, на момент участия всем было не больше двадцати шести лет.

«Два раздела антологии определяют не уровень автора, а отношение к нему конкретных оценщиков» - пишет в редакторском комментарии Сергей Ивкин [Бахарев-Чернёнок, Ивкин, Рубинский 2016]. За раздел «Представление» отвечал сам Сергей Ивкин, для которого была важна современная поэтическая активность поэтов, стихотворения этих поэтов – «полноценный выход на общеуральскую сцену». Второй раздел «Обещания» сформирован Бахаревым-Чернёнком и Ивкиным, для которых известность поэта не была важным критерием, они вслушивались и искали новые голоса «шепчущего поколения», которое не выходит за рамки гаджетов и мониторов [Бахарев-Чернёнок, Ивкин, Рубинский 2016].

Исследуя материал данного сборника, мы использовали мотивный анализ, предложенный в работах Б.М.Гаспарова.

Материалом стали стихи молодых поэтов из Челябинска, Перми, Уфы, Екатеринбурга, Каменск-Уральского и другие. Авторы, имеющие огромный ряд публикаций, победители творческих конкурсов, участники организаций, и люди, не публиковавшиеся ранее, не занимающиеся литературной деятельностью, ведущие менее активный образ жизни в данной сфере,

желающие говорить о себе много и настойчиво скрывающие о себе информацию, кроме места жительства. Спектр участников разнообразен.

Мы посмотрели, есть ли основание для того, чтобы говорить об общих мотивах в творчестве уральских молодых поэтов. Но для начала нам было важно выявить, как поэты отдельных городов идентифицируют себя со своим городом, каково их мироощущение, определить семантику основных образов.

Уральский треугольник – Пермь, Челябинск, Екатеринбург с разными историями и судьбами. В уральском пространстве – разное географическое положение, климатические условия и реалии. Но во время анализа мы сталкиваемся со значительной общностью между поэтическими текстами писателей разных городов.

Так «любимый мотив» холода (еще со времен начала андеграундского движения на Урале под руководством В. Кальпиди) обнаруживается и в творчестве современных екатеринбургских поэтов. Ярослава Широкова отмечает важную человеческую особенность уральских людей – молчаливость, в связи с неблагоприятным климатом, не располагающим к общению и открытости:

*«ветер губы заговорил  
мы скребем по полям перил  
и без ветхих на то причин  
ёжмся и молчим».*

В другом же ее стихотворении встречаем типичный для уральских реалий образ «снега»:

*«мокрый воздух застучивает предтечь  
окрестностей. Вытихает стаей  
снега, раскиданного от плеч,  
берегом, который тебя оставил...»*

А местных людей сравнивает с совами: *«Дует спелой зимой, // в этом крае все люди как совы».* Если ограничиваться только лишь ассоциативными

возможностями слова, можно сказать, что дело в свойственном этой птице дневной сонливости, отсутствием активности в силу ночного образа жизни. Но согласно мифологической трактовке данного образа известным философом Рерихом Н.К., сова является амбивалентным (двойственным) символом. Выражается это в том, что с одной стороны — это мудрость и прозорливость, с другой – магия и оккультизм. В дохристианские времена она считалась священной птицей и ассоциировалась с разумом, тайным знанием. Возможно, используемый образ подчеркивает мистическую и двойственную сущность уральских людей, неопределенность, пограничный образ жизни.

В стихах Еганы Джаббаровой также актуализируется мотив холода. С этим мотивом связан интересный пространственный образ *«синего одеяла»*:

*«синее одеяло покрывает тебя и мучается  
Вяжется хрустальный снег...»*

Как известно, с точки зрения мифологии, символика синего предполагает связь с божественным, сопряжено со значением таинственности, мистицизма, духовности и чистоты. Но существует и негативная семантика данного цвета как противоположного красному цвету, близкому к черному – символ смерти, трагедии. Например, у Александра Блока синий — цвет сумерек, тайны, холода и печали:

*«Ты в синий плащ печально завернулась,  
В сырую ночь ты из дому ушла».*

В поэзии Д. А. Пригова синий цвет несет также отрицательную коннотацию: *«синяя прозрачная река обманчиво-прекрасна»*. Упоминаемая река отождествляется со Стиксом, Стикс — адская река, в которой гибнут все люди.

Егана Джаббарова использует образ зимы как самого холодного времени года в связи с описанием смерти близкого человека:

*«ты говорил, что предчувствуешь зиму,  
правда, зимы никогда не видал».*

*«Гастроли снега были прерваны», «маразматические стенки снега расписаны до январей»* - поэтические метафоры Михаила Хабурдина, в которых проявляется личностное отношение автора к городскому пространству: гастроли/спектакли, дающиеся заезжими актёрами - семантика указывает на отчужденность, непринятие действительности; эпитет «маразматические» - тот, кто впал в маразм, то есть, обречен на полный упадок, на разложение.

Положительная коннотация образа снега встречается достаточно редко, например, в стихах Еганы Джаббарово́й: *«вяжется хрустальный снег»*.

В поэзии челябинских поэтов мы обнаруживаем тот же мотив холода в различных его корреляциях: в творчестве Нины Александровой - *«идут узбеки ледяные сжмая ветер в кулаке», «рука дрожит и стекленеет»* - превращение в стекло можно трактовать как омертвление, переход к искусственности; холод пространства настолько невыносимый, что даже *«кости воют из земли»*. Один из ярких пространственных образов - *«огромное заледеневшее море»*.

Лирический герой Яниса Гранста также мечтает о человеческом спасительном тепле:

*«и когда ты придёшь когда-нибудь,  
и обнимешь меня, продрогшего...»*

Елена Меньшова актуализирует, подобно Ярославе Широковой, влияние холода на коммуникативное качество северных жителей:

*«Голос леской морозной вытянут  
От полыни до полоньи»*.

Пространством полностью владеет холод, он проникает даже во всё живое: *«Ты промерзаешь вдоль, как небо или реки...»* Или в другом стихотворении: *«...да снегири, промерзшие изнутри»*.

Любопытно, какую особую связь видит поэт между пространством и творческим актом, «город снегов» становится фундаментальным в творчестве Елены Меньшениной:

*«Снег и слова, идущие орлом в землю...»*

В пермской поэзии фигурируют те же образы: образ снега во всех его реализациях. В поэзии Анны Опутиной этот образ семантически связан с мотивом смерти:

*«По весне  
упаду, как уставший снег,  
разобьюсь со звоном  
на копеечные монеты».*

Город в тотальной власти зимы, отсюда семантика страха, дисгармоничного состояния (скулить – разг.жаловаться на что-то): *«ветер скулит – зима раздаёт пощечины».*

Лирическая героиня Карины Брагимовой, пермской поэтессы, тоже страдает от недостатка тепла в пространстве, где зима занимает самое большое время в году:

*«Я кутаюсь в старый плащ,  
дрожа в переулке зимнем».*

Мир несовершенен по своей природе, он неизменен, не оправдывает ожидания – он такой, какой есть, в нем много искусственного и иллюзорного: *«Просишь огня, а дают отопления...»*

И лирический герой Андрея Лапицкого чувствует тревогу, так как он, смирившись и отказавшись от борьбы, растворяется в этом пространстве, становясь его частью:

*«...счастливого конца  
отнюдь не надо –  
вдали от этого всего,  
однажды утром обнаружу  
ряжи, деревню, блеск снегов  
внутри себя, а не снаружи».*

У Михаила Куимова обнаруживается контрастное состояние лирического героя (тепло – холод), стремление обрести смысл жизни: *«там оставь на чай и вдоль улиц мёрзлых скройся».*

Так в стихах Римма Аглиуллина (Челябинск) человек встречается с безразличием внешнего мира, с его жестокостью. Насильное внедрение внешнего во внутренний мир обворачивается пагубно, разрушительно для самого человека : *«мир наступил тебе на лицо, как наглый кот...», «пудовая нога вошла в твой череп, // а потом в то, что осталось от него».*

Но *«здесь бояться нельзя не закрывай глаза»* напоминает Нина Александрова и призывает к постоянной борьбе, мужеству и стойкости перед этим миром. *«...И локти других людей заботливо бьют под дых»,* - вторит ей Дарья Кригер. В ее стихах город становится обобщенным образом мира как источника зла и насилия: *«город выгибается, как плеть, // ударяет тебя по спине».*

Михаил Куимов отмечает еще одну важную характеристику городского пространства как *«ловушки»* – теснота, замкнутость. Теснота и многолюдность давит на человека, пытается поглотить его или выбросить за границы, где тоже нет ответа и спасения от непонимания, одиночества:

*«возле мира, что тесен и кругл,  
Для тебя, безнадежного, есть  
Свой особый, безвыходный угол».*

В его стихотворениях проявляется связь между мотивами воды – образ дождя, и замкнутости:

*«Некрепкого строения стена  
Дождя, которой город ограждён».*

Также и лирический герой Андрея Лапицкого (Пермь) ощущает тесноту пространства из-за того, что оно переполнено хаосом, шумом, движением: *«Тесный мир – душе просторно в стороне от злых сует».*

*«...и не хватает воздуха»* вторит Лапицкому Елена Меньшенина, челябинский поэт.

Но противится ее лирическая героиня опять же не в силах, потому что несмотря на всё осознает тесную связь с местом:

*«Коренное – хоть бритвой режь».*

Еще один челябинский автор Римма Аглиуллина подмечает в своих стихах, как эта теснота проникает даже в домашнее, личное пространство, как лирический герой ощущает несвободу даже в нем: *«мы на кухне, будто бы в тесной камере».*

Или в другом стихотворении Аглиуллина задается вопросом в связи с этим:

*«Разве корни и ветки твоего родового дерева  
не окружили тебя прутьями  
решётки  
от гнезда – до могилы?»*

Не от этой ли тесноты *«воздух трещит по швам»*, по словам Михаила Хабурдина (Екатеринбург)?

Хабурдин понимает, что пространство полно многообразия, и в этом его губительная сила; как следствие всего этого - неопределенность, которая путает человека, у человека отсутствует цель и система ценностей, он обречен на вечные поиски:

*«не суйся наружу там многоцветный воздух и других оттенков нет».*

Эти вечные поиски обрекают людей на непрекращающееся движение, беспокойство. Слышится отчаянная мольба лирической героини Нины Александровой из Челябинска:

*«всё, что угодно – в обмен  
На минуту покоя  
На час тишины  
На год одиночества  
И на целую жизнь для самого себя».*

Данная проблема решается так: отторжение реальности предполагает бегство, борьбу или конструирование какой-то иной реальности.

Отвержение этого мира мы находим в стихах Риммы Аглиуллиной (Челябинск): *«эта земля не годится чтобы жить»*. Отторжению сопутствует решительное желание покинуть пределы конкретного пространства (то есть, еще один способ избавиться от тягостного ощущения ограниченности, тесноты): *«что касается меня, то я уезжаю отсюда завтра в неизвестном направлении»*.

У многих поэтов рецепция города связана с водной стихией (обнаруживается еще один общий мотив для творчества уральских поэтов – мотив воды): люди живут *«в потоке каменной вечно текущей реки»*, пишет Нина Александрова из Челябинска. Мифологический подход трактует реку (в целом, воду) как хранительницу памяти, вечность. То есть, реальность в уральской поэзии обретает вневременность и становится вечной.

И снова прослеживается тесная взаимосвязь лирического героя с уральским пространством, взаимопроникновенность:

*«щука в моих висках».*

Щука в славянской мифологии связана с миром мёртвым, с потусторонним миром, в русском фольклоре щука – хозяйка иного мира, и поэтому связана с мотивом жертвоприношения. То есть, в уральском тексте миф реализуется в связи с особым восприятием реальности: нет грани между

потусторонним миром и реальным, эти понятия стираются, а человек становится жертвой этого мира

Сама реальность становится убийцей основ жизни у Александровой и человека, который не способен противостоять ей и абсолютно беспомощен перед ее лицом:

*«элемент земли растворяет вода:  
человек набухает,  
падает,  
говорит: поднимите меня,  
я тону...»*

Дарья Кригер, екатеринбургская поэтесса, создает индивидуальное, отличительное для ее творчества, пространство: *«во чреве кита – утренней дороги – выколи глаз как темно влажно и жарко», «в этом чреве кита я живу я ищу мессию».*

Кит в мифологии олицетворяет силу космических вод, космическое и личное возобновление, а также поглощающую могилу. Желудок кита - это одновременно место смерти и перерождения. В Ветхом Завете кит - символ Ионы. Быть проглоченным китом - означает войти во тьму смерти; появление из чрева кита после традиционного периода в три дня лунного затмения означает появление из пещеры инициации в новую жизнь, воскрешение. В христианстве кит символизирует дьявола. Челюсти его - врата ада, а желудок - сам ад.

В поэзии Книгер обнаруживается связь мотива воды и сна. Памяти не существует, а лишь забвение в качестве отказа от обычного понимания действительности - *«тело погружаемое в воду сна»*, а человек часть этого сна - *«с наших тел не сойдет потоп».*

Михаил Куимов, в этом случае, дает конкретное определение реальности, где отражается связь воды и действительности: *«реальность – это вода».*

Мотив сна появляется также у Анастасии Хвостанцевой в попытке осмыслить реальное пространство:

*«даже эта реальность напоминает сон».*

Анна Опутина в своем творчестве расширяет границы, разрывает их, автор мыслит масштабно, на космическом уровне, человек есть пространство, происходит размывание границ между человеком и пространством: *«погляди, каким же огромным китом ты стал»*, *«раствориться, стать океаном»* - человек сам себе пространство, то есть широта и узость его определяется возможностями самого человека.

В результате данного микроисследования, нами было обнаружено, что несмотря на географическую отдаленность и различность реалий для уральских городов свойственна общность основных мотивов и образов, но даже в рамках этой общности уральские поэты проявляют свою творческую идентичность и уникальность, утверждая этим факт существования УПШ, а сам сборник является ярким примером активной продвиженческой деятельности культуртрегеров уральской поэтической школы.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использую системный анализ УПШ как производственного института культуры при исследовании данного феномена в связи с социальными и историческими факторами, которые непосредственно влияют на структурное и содержательное формирование, мы имеем все основания, чтобы утверждать, что УПШ представляет собой в качестве актора литературного поля результат основательной, целенаправленной культуртрегерской деятельности.

С помощью социологического метода, предложенного Пьером Бурдьё в работе «Поле литературы», данный феномен был рассмотрен с трех сторон: позиция УПШ в поле власти, то есть в литературной среде, анализ ее внутренней структуры и содержания, и последнее, позиция агента, социальная траектория, способствующая развитию поля.

Большая часть работы посвящена вопросу функционирования УПШ и ее роли в литературном процессе. Несмотря на продолжительное существование поэтического движения на Урале – около тридцати лет, некоторые литературные деятели, особенно в нулевые годы, сомневались в целостном существовании данного феномена. Например, для критика Д.Быкова уральская поэзия - «набор штампов и подчеркивание своего трагического геополитического положения» [Быков 2003].

Долголетний опыт и практика УПШ дают продуктивные результаты, и уже не только сам факт ее существования и обсуждение этого явления дают право на утверждение уральского движения в русском литературном процессе, но и фиксирование, заслуженное общественное признание постоянной культурно-просветительской деятельности УПШ, разнообразие ее форматов – фестивали, семинары, научные конференции, публикации, издательское сотрудничество, проекты, творческие вечера и встречи и так далее.

Нами было выяснено, что уральское поэтическое движение появилось естественным путем и предпосылками для организации поэтической школы

стали различные отдельные очаги творческой деятельности. Первоначальным фундаментом инфраструктуры УПШ стали литературные кухни/квартиры. К этому числу относятся деревянный дом Гавриловых - художника-философа Валерия и Зинаиды в Свердловске с конца 70-х и до начала 90-х гг., в том же Свердловске известностью пользовалась двухкомнатная квартира Майи Никулиной в здании «сталинской постройки», В Перми приютом для молодых не только пермских поэтов (В. Дрожащих, В. Лаврентьев, В. Кальпиди, Ю. Беликов, Д. Долматов и другие) стал Дом Елены Медведевой, в Челябинске - квартира Н.Ф. Болдырева, а также «Клуб вечерних сигар» (студенческое литературно - философское общество), активными участниками которого были Сергей Молчанов и Сергей Субботин.

Помимо неформальных встреч, основополагающими для поэтического движения, стали различные объединения: группа «Времири» - поэтическое объединение, возникшее на филфаке ПГУ по инициативе поэта, студента-филолога Ю. Беликова, творчески ориентированная группа «Одекал» с особенной арт-позицией, объединение молодых поэтов и художников «ЭСКИЗ» в Перми с 1977–1980-е под руководством скульптура В. Жехова и молодых литераторов П. Печенкина и Ф. Плотникова и другие.

Также важную роль в развитии УПШ сыграли три общественных фонда, образованные в Перми в 1894 г. - «Юрятин», по инициативе доцента кафедры русской литературы ПГУ Владимира Абашева и поэта Виталия Кальпиди, в Челябинске - «Галерея», созданный В. Кальпиди при административной поддержке В. Трегубенкова, в Екатеринбурге уже в 2006 г. - «ЛебядкинЪ», литературная студия Андрея Санников.

Как мы можем наблюдать, начало уральскому поэтическому движению было положено в 70-ые гг., концептуальность и системность обрело только в 90-ые гг., масштабность и концептуальную цельность, уже в нулевых.

Сейчас УПШ – социальный проект, фундаментом для которого является поэтическое достояние Урала и который продолжает продуцировать

поэтические смыслы, воспитывать и развивать новое поэтическое поколение, формировать культурное общество посредством поэзии.

Благодаря тесному сотрудничеству УПШ с «Издательством Марины Волковой» (Челябинск), созданным в 2007 г., деятельность, направленная на развитие уральской поэзии, вышла на новый уровень.

Один из успешных совместный проект Виталия Кальпиди и Марины Волковой 2014 г. – серия книг «ГУЛ» (Галерея уральской литературы), представляющая уральскую поэзию в лице 30 лучших авторов движения последних 30 лет (например, Е.Ионова, А.Санников, Р.Тягунов, Я.Грантс и другие). Литературовед Л.П.Быков высоко оценил значимость этого проекта на поэтической встрече в Челябинске и выразился о ГУЛе, как о: «деле уже решившимся, способным повлиять на ситуацию с литературой в современном мире» [Леонид Быков о «ГУЛ»е 2014].

«Издательство Марины Волковой» способствовало общим проектам и с другими изданиями: один из них – проект 2015 г. «Современная поэзия. Современный человек», посвященный Году литературы, совместно с московским издательством «Воймега». Цель этого проекта - сделать современную поэзию частью образовательной и культурной среды, которая предполагала знакомство с современными поэтами в течение года различными способами (информативное распространение на стендах в различных учреждениях, организация поэтических вечеров, семинаров, конкурсов чтецов, выставок книг и публикаций, а также личное знакомство и встреча с авторами и другие).

Также показателем качества активной деятельности УПШ стал проект «Русская поэтическая речь-2016» - самый масштабный и обсуждаемый проект последних лет. Главная идея проекта представить современную русскую поэзию в виде единого потока поэтических взаимоотношений.

Издатель Марина Волкова в интервью «Вечернего Челябинска» рассказала о концепции РПР: «восприятие текста часто загромождается посторонними наслоениями», создаваемыми маркетологами издательств в

результате многосторонней рекламы новой книги в массовых коммуникациях. По мнению М. Волковой, именно это формирует представление об авторе и его творчестве и влияет на восприятие текста. Этот проект предлагает без фамилий на титульном листе «по-настоящему всмотреться в текст, не защищенный ничьим авторитетом» [Медведкина 2016].

На основе этого проекта было издано два тома антологий: «Русская поэтическая речь – 2016. Антология анонимных текстов», где анонимно представлены 115 стихотворений ранее нигде не публиковавшихся, современных поэтов России и зарубежья, пишущих на русском языке, и в 2017 г. сборник критических и аналитических статей «Русская поэтическая речь – 2016. Аналитика: тестирование вслепую», материалом для которого стали аналитические и критические статьи 60 авторов в качестве рефлексии по первому тому.

В результате данный проект имел продвиженческий характер для уральской поэзии в общероссийском контексте: круглые столы и семинары по первому тому, экспресс-конференции по второму тому, поэтический сериал «РуПор», создания и распространения дайджестов, проекты-«угадайки» («Образ поэта» – описание поэта по прочитанной главе; «Эксперт» и «Экспресс-эксперт» – узнавание имен авторов подборок; «Угадай поэта» – по обложке первого тома и другие), исследование читательского восприятия с помощью масштабного анкетирования.

Продолжением РПР стал проект 2018 г. «Опыт прочтения» – подробное представление каждого из участников сюжет-проекта «Русская поэтическая речь-2016» и современной поэзии в целом. Проект осуществляется и будет осуществляться в нескольких форматах: печатная публикация статей по заинтересованному материалу или поэту, публикация и распространение в сетях, лекции-схемы, мастер-классы по прочтению современной поэзии в различных городах. Главная цель проекта – «инициирование и продвижение опыта чтения» [Опыт прочтения 2018].

Также под издательством Марины Волковой в 2017 г. появилась на свет одиннадцатая книга стихотворений Виталий Кальпиди «Русские сосны» как результат поэтического осознания нового русского миропорядка.

В 2018 г. этим же издательством учрежден научный журнал «Вестник Уральской поэтической школы», посвященный современной поэзии уральского движения, периодичностью два раза в год, выход первого номера предполагается в декабре. Главными целями издания являются развитие теории поэзии, исследование истории уральской поэзии, проектирование будущего русской поэзии «на основе гуманитарно-созидательных технологий» [Вестник УПШ 2018]. Следовательно, рубрики данного журнала будут посвящены научным исследованиям различных аспектов современной уральской поэзии.

Большой интерес вызывает определение УПШ М. Волковой в аннотации: «действующая модель русской поэзии как перспективная социокультурная практика», а также ряд терминов, которые предполагают ввести в научный оборот - среди них «поэтическая корпорация». Всё это, несомненно, является подтверждением, что продвижение и развитие УПШ – это результат системной и целенаправленной деятельности, стратегия которой может быть использована другими регионами.

Научный формат деятельности УПШ представлен научными конференциями – например, «Уральское поэтическое движение (1981–2013): история, аналитика, прогнозы», участие приняли известные филологи, литературоведы, критики такие, как М. Загидуллина, М. Липовецкий, А. Сидякина, Н. Гашева, Л.Зубова; семинарами – например, молодежный научный семинар «Уральская поэтическая школа рубежа XX-XXI вв. глазами студентов», в составе которого лучшие пермские и челябинские будущие филологи и журналисты; круглые столы - «Сборник критических статей: гадкий утёнок на литературном дворе» из профессиональных критиков, чьи статьи и эссе посвящены вопросам литературы - Л. Вязмитинова, А. Марков, А. Житинёв, А.Голубкова и другие.

Дальнейшими реализациями проекта «ГУЛ» (Галерея уральской литературы) стал День поэта (2014)., предполагающий разговоры о творчестве и звучание стихотворений на площадках уральских городов; «ПРОГУЛКИ» (2014) - поэтический микрофон в режиме «слово и дело», проходивший в Екатеринбурге в библиотеке Белинского, то есть звучание и издание стихотворений самых ярких участников в один день; широкомасштабный фестиваль поэзии и поэтов "ГУЛ"(2015), в программе которого состоялось 50 мероприятий на множестве площадок различных городов России - поэтический баттл "Поэты Екатеринбурга против поэтов Челябинска", Чемпионат литературных журналов "Самопал", концерт "Голоса УПШ", с живым звучанием стихов и песен на стихи уральских поэтов, лекции по видеопоззии, презентация новой книги Виталия Кальпиди "Избранное" и другие; автопробег «ГУЛ/2017/фестиваль поэтических интервенций»(2017) по городам Урала - результатом фестиваля стало привлечение ученых к работе над монографией по УПШ, издание которой планируется на 2018 г.

Еще одно важное событие 2017 г. для УПШ - выход альманаха-навигатора «Паровозъ», принадлежащего Союзу российских писателей. Выпуск был полностью посвящен уральской поэзии и включил в себя 70 авторов из 12 городов Урала, что в литературном общероссийском процессе стало первым случаем, чтобы одно поэтическое объединение предлагало услуги издания для другого сообщества. Помимо этого, данное сотрудничество стало широким жестом между оппозициям «центр – регион», что тоже не мало важно в легализации УПШ как актора литературного поля.

В феврале 2018 г. поэтическая школа презентовала проект международного уровня «Жестикуляция», что, несомненно, стало показателем высокого роста УПШ и причиной благоприятных прогнозов для дальнейшего развития. Первый этап проекта объединил поэтов и читателей России и Франции, в результате чего была издана книга «Воздух чист...».

Как актер литературного поля, УПШ становится конкурентной для двух других основных поэтических школ в поле власти. Как было подмечено поэтом А.Вознесенским во время круглого стола, посвященного выходу второго тома «Антологии СУП»: «Выпуском двух антологий Кальпиди “разделил” русскую поэзию как бы на троих: на Москву, Санкт-Петербург и Урал». Это закономерно относительно поля власти в условиях рождения и развития нового культурного поля.

Данное пространство представляет собой коллективную деятельность индивидуальных творцов под руководством культуртрегера В.Кальпиди. В основе образования этого литературного поля как проекта не определенное количество поэтов, объединенных географическим фактором или поэтическими традициями, что несомненно так, но не является основополагающим, а идея – создание условий для развития региональной литературы, формирование культурной ситуации региона, с чем культуртрегер успешно справляется.

Стоит отметить, что с данной позиции УПШ как актер литературного поля обладает автономными качествами: агенты, действующие в рамках школы, заинтересованы не в материальном капитале, а в символическом. То есть, процесс творения в данном литературном поле не предполагает экономической компенсации. По словам В. Кальпиди, эта деятельность не создает экономически благоприятные условия, в первую очередь для организаторов, а наоборот, требует этих условий, то есть, не может и не должна становиться источником дохода.

Несмотря на свободу литературного поля, формирование данного проекта, в силу социальных законов, УПШ вступает в поле борьбы с литературными полями гетерономного характера – со «столичной культурой». Аргументируют этот факт такие положения, как идентификация УПШ в качестве региональной поэзии и критичное отношение к столичному премиальному сектору: «совершенно очевидно, что весь институт литературных премий – вредная, постоянно стремящаяся к безобразию затея,

которая длится примерно два последних столетия» [Энциклопедия УПШ 2013: 538].

Автономный принцип существования УПШ предполагает цель творческой деятельности – «искусство ради искусства», которая осуществляется в постоянных условиях нестабильности и колебания между успехом и застоем. Для поэтической школы характерно отрицание стремления к карьерному росту в столичных городах из-за финансового благополучия и «многопрофильной публики, способной развлекаться стихами»: в этом вопросе проявляется идеализированное представление о литературе – сфера, в которой, по мнению В. Кальпиди, нет места для тщеславия [Энциклопедия УПШ 2013: 74].

Издатель Марина Волкова сформулировала основные тезисы, осуществляемой идеи поэтического движения на Урале, среди которых есть оппозиционирующие школу двум основным: «создание образа провинциального поэта-художника и придание этому образу высокого статуса гражданина и творца, то есть патриота своей поэтической миссии, а не государства, и построение поэтического сообщества как фрагмента идеальной культуры в рамках неидеального государства» [Волкова 2017: 3].

Вышесказанное подтверждает, что УПШ существует независимо от общественного спроса и спроса властей. А значит, школа относится к элитарному производству, которое продуцирует художественные смыслы и формирует условия для воспитания культурной, свободомыслящей аудитории.

Помимо этого, для УПШ как для литературного поля автономного типа характерно установление категорий истинного искусства и условий принадлежности к нему. Например, в школе существует «кодекс провинциального поэта», составленный В. Кальпиди в виде развернутых положений и многочисленных коротких тезисов, соответствие которым есть допуск в пространство: например, провинциальный поэт никогда не должен вступать ни в какой сговор с властями; издав свои первые две книги,

провинциальный поэт должен приложить все усилия, чтобы издать как минимум две книги своих товарищей, у которых на это не хватает сил и возможностей; провинциальный поэт должен всем, и никто ничего не должен ему и другие тезисы.

На основе самоидентификации УПШ происходит тот самый конфликт дефиниций между литературными полями: одно поле пытается навязать другому условия принадлежности к «истинному искусству». Как было отмечено издателем Мариной Волковой, феномен УПШ возник в качестве «новой поэзии «уральского треугольника» в противовес культурному центризму — период конца восьмидесятых — начала девяностых годов» [Волкова 2017: 4].

Помимо этого, еще одной причиной для внешнего литературного конфликта является общественное признание, то есть борьба за символический капитал. Например, Премия Андрея Белого-2017, полученная Виталием Кальпиди, не как поэтом, а как культуртрегером — в номинации «Литературные проекты»: «за тридцатипятилетний труд по созданию, документированию и продвижению Уральской поэтической школы», а также «за сюжет-проект «Русская поэтическая речь-2016» [Медведкина 2017]. Безусловно, факт получения этой премии является жестом признания не только деятельности самого культуртрегера, а также феномена УПШ в литературном пространстве, закреплении институции в качестве уникального культурного проекта на российском уровне.

Если в начале проектной деятельности организаторы считали главной задачей «вписание УПШ в современную литературу», то на сегодняшний момент уральские культуртрегеры обозначали конкретную лидерскую позицию и переход к задаче «лидерства УПШ в современной поэзии» [Фестиваль поэтических интервенций 2017].

Данную смелость и целеустремленность нельзя назвать беспричинной, так как деятельность последних лет очень благополучно и продуктивно

сказалось на развитии и продвижении УПШ, выход ее на новый уровень существования.

Процесс УПШ поддерживается взаимодействием позиций – «литературный треугольник» (Пермь, Екатеринбург, Челябинск). Распределение капитала власти неравномерно и зависит во многом от действующих на позициях агентов, от их инициативы. В УПШ нет строго регламента, каждый поэт индивидуален в проявлениях манифестаций, для улучшения и сохранения своих позиций каждый поэт имеет личные стратегии. Но при этом агенты владеют представлениями о приоритетах, способствующих развитию литературному полю – «вовлеченность в игру», то есть, в их действиях нет несогласованных инновационных действий [Бурдьё 2005].

Поэты УПШ уже много лет продвигают свой продукт в культурное пространство на основе существующей веры в статус поэтического движения на Урале.

Одной из проблемных зон автономного литературного поля является независимое положение от общественного спроса, а значит, производители вынуждены сталкиваться с проблемой финансирования различных фестивалей, акций, изданий и так далее. Также и творческая деятельность агентов УПШ происходит на некоммерческой основе. В этом случае, В. Кальпиди предлагается два пути решения проблемы: поиск дополнительной востребованной профессии в качестве источника стабильного дохода, которая потребует времени и сил, или максимальное ограничение потребностей.

В результате нашего исследования, на основе социологического метода, предложенного Пьером Бурдьё, можно сделать вывод, что УПШ как актер литературного поля, принадлежит к автономному типу, сохраняя экономическую и политическую свободу и существуя не для обретения материального капитала, а для символического, то есть саморазвития,

культурного обогащения и общественного признания в лице элитарной качественной аудитории.

## **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

### **I. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА**

1. Антология. Современная уральская поэзия: сборник стихотворений / под ред. В.О. Кальпиди. Челябинск, 1996. 360 с.
2. Антология. Современная уральская поэзия 1997-2003 гг. / под ред. В.О. Кальпиди. Челябинск, 2003. 238 с.
3. Антология. Современная уральская поэзия 2004-2011 гг. / под ред. В.О. Кальпиди. Челябинск, 2011. 351 с.
4. Бахарев-Чернёнок А., Ивкин С. Рубинский К. Сборник стихотворений. Шепчутся и кричат. Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2016. 127 с.
5. Русская поэтическая речь – 2016. Антология анонимных текстов. Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2016. 568 с.

### **II. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

6. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
7. Абашев В.В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: учеб.пособие; Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т., 2012. 140 с.
8. Абашева М. П. Писатель «здесь и сейчас» (территориальная идентичность современных уральских литераторов: пермяки и екатеринбуржцы) // Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты. М.: 2004. С. 329 – 350.
9. Абашева М.П. Граница Европы и Азии: трансформация смыслов// ČESLOVO MILOŠO SKAITŪMAI 6. "Gimtoji Europa": Erdvė. Mintis. Žodis. CZESLAW MILOSZ'S READINGS 6. "Native Europe": Space. Thought. Word. 2013. С. 63 – 70.

10. Баевский В. С. История русской поэзии. 1730—1980. М., 1994. 306 с.
11. Бурдьё П. Поле литературы. Перевод с французского с сокращениями: М. Гронас. Социальное пространство: поля и практики. Сборник статей. М., 2005.
12. Быков Д. Рыжий. 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://v1.anekdot.ru/salon/tribuna4.html> (дата посещения: 15.05.2018)
13. Вестник Уральской поэтической школы. [Электронный ресурс]. URL: <http://mv74.ru/vestnik/> (дата посещения: 26.05.2018)
14. Волкова М. Поэты живут на Урале. 16.04.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://mv74.ru/gul/poety-zhivut-na-urale.html> (дата посещения: 20.05.2018)
15. Волкова М. Русские поэтические школы: XXI век // Паровозъ: поэтический альманах-навигатор (№ 6) / сост. С. В. Василенко, В. О. Кальпиди, В. Н. Мисюк, В. И. Стрелец. М.: Союз российских писателей, 2017. 368 с.
16. Волкова М. Личное, необычное, логичное // Волга. 2017. №9-10.
17. Волкова М. Что уральского в уральском? // ПаровозЪ. 16.02.2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://mv74.ru/gul/parovoz-vremya-uralskoe.html> (дата посещения: 20.05.2018)
18. Гадкий утёнок на литературном дворе. 02.04.2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://mv74.ru/gul/gadkij-utyonok-na-literaturnom-dvore.html> (дата посещения: 18.05.2018)
19. Даниленко Ю.Ю., Катаев Ф.А. Пермский текст 21 века (поэзия): уч.пособие; Перм.гос.пед.ун-т. Пермь, 2014. 103 с.
20. День «ГУЛ»а в Белинке. // Новый Регион – Екатеринбург. 9 октября 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://urfo.org/ekb/511341.html> (дата посещения: 25.05.2018)
21. День поэта. Галерея уральской литературы. 7 апреля 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://mv74.ru/blog/archives/den-poeta/#more-41408> (дата посещения: 25.05.2018)

22. Загидуллина М. Философско-поэтическое и религиозно-поэтическое мышление на основе практики 3-х поколений поэтов УПШ. // Уральская поэтическая школа. Энциклопедия 1981-2012. Издательская группа «Десять тысяч слов», 2013. С.18-27
23. Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М.: ООО ИФ «Азбуковник», 2008. 1040 с. 3-е изд., испр. и доп.
24. Зинурова Е.С. Русская поэзия рубежа XX—XXI вв.: векторы развития. Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика, 2016, № 2.
25. Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций. М.: Либроком, 2009. 464 с.
26. Игоревна В. Презентация международного проекта УПШ "Жестикующая". 18 февраля 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sobaka.ru/chlb/city/books/68775>
27. Издатель Марина Волкова. Однажды я дала себе слово, что у меня дома не будет ни одной книги. 29 марта 2016. [Электронный ресурс]. URL: [https://hornews.com/dialogue/izdatel\\_marina\\_volkova\\_quotodnajdyi\\_ya\\_dal\\_a\\_sebe\\_slovo\\_chno\\_u\\_menya\\_doma\\_ne\\_budet\\_ni\\_odnoy\\_knigi](https://hornews.com/dialogue/izdatel_marina_volkova_quotodnajdyi_ya_dal_a_sebe_slovo_chno_u_menya_doma_ne_budet_ni_odnoy_knigi) (дата посещения: 13.03.2018)
28. Литература как форма социальной и индивидуальной рефлексии: материалы XIX Всероссийской научнопрактической конференции словесников «Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе - Лейдермановские чтения». Екатеринбург, 1-2 апреля 2016 г. ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2016. 214 с.
29. Казарин Ю. В. Поэты Урала. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2011. 484 с.
30. Кальпиди В.О. Точки места. // Уральская поэтическая школа. Энциклопедия 1981-2012. Издательская группа «Десять тысяч слов», 2013. С.476-490

31. Кальпиди В.О. Уральский поэтический ренессанс. // Вечерний Челябинск. 22.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://vecherka.su/katalogizdaniy?id=49776> (дата посещения: 15.05.2018)
32. Кальпиди В. Искусство – это воображаемое зачатие, способное дать реальное потомство. Есть единственный способ не стыдиться своего настоящего – это жить будущим. // Волга. 2017. №9-10.
33. Комаров К. Быть при тексте. Книга статей и рецензий. Издательский дом «Выбор Сенчина», 2017.
34. Коновалова М. Вспоминая Романа Тягунова: Константин Патрушев, Дмитрий Рябоконт, Евгений Ройзман, Евгений Касимов, Юрий Казарин, Андрей Козлов, Надежда Герасимова, Олег Дозморев. // Урал. 2012. №8.
35. Круглый стол: Дмитрий Кузьмин. Данила Давыдов. Дмитрий Александрович Пригов. Андрей Вознесенский. Richard Mckane. Daniel Weissbort. Виталий Кальпиди. // Уральская новь. 2004. №18.
36. Кузьмин Д. В зеркале антологий // Арион. 2001. №2. [Электронный ресурс].  
URL:<http://www.arion.ru/mcontent.php?year=2001&number=13&idx=74>  
(дата посещения: 18.06.2014)
37. Кузьмин Д. Русская поэзия в начале 21 века. // Рец. 2008. №48.
38. Курицын Вячеслав, Родионов Андрей. Поэтический путеводитель по городам «Культурного альянса». Пермь: «Культурный альянс», 2012. 440 с.
39. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. 1950—1990-е годы. В 2 тт. М., 2003.
40. Леонид Быков о «ГУЛ»е. 27.06.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://mv74.ru/gul/leonid-bykov-o-gule.html> (дата посещения: 20.04.2018)
41. Литература Урала: исследования и материалы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litural.ru/> (дата посещения: 13.04.2018)
42. Литература Пермского края. Новые имена. Пермь, 2012. 283 с.

43. Медведкина Н. Челябинский поэт и культуртрегер получил премию за «бомбу». // Вечерний Челябинск. 26.12.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://vecherka.su/articles/culture/132484/> (дата посещения: 18.04.2018)
44. Медведкина Н. В Челябинске заложили бомбу под русскую литературу. // Вечерний Челябинск. 29.03.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://vecherka.su/quotations/119247> (дата посещения: 19.04.2018)
45. Михайлов И. «Город на Каме». // Вечерняя Пермь. 1973. №228. С.3
46. Нестоличная литература: Поэзия и проза регионов России. М., 2001.
47. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В.С. Стёпина. 2001.
48. Опыт прочтения. // Мероприятия. Портал Марины Волковой. 29 мая 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://mv74.ru/blog/archives/opyt-prochteniya-rpr/#facebook> (дата посещения: 25.05.2018)
49. ПаровозЪ : поэтический альманах-навигатор (№ 6) / сост. С. В. Василенко, В. О. Кальпиди, В. Н. Мисюк, В. И. Стрелец. М.: Союз российских писателей, 2017. 368 с.
50. Подлубнова Ю. Уральская поэтическая школа: мифы и реальность. // Уральская поэтическая школа. Энциклопедия 1981-2012. Издательская группа «Десять тысяч слов», 2013. С.8-16
51. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. 1907.
52. Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. М., 2008. 185 с.
53. Санников А., Петрушкин А. Уральская поэтическая школа: да твою маман! Типа круглый стол. Часть 1: Вводная. Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ».

URL: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=6219> (дата посещения: 14.05.2018)

54. Сафронова Е. Звезда с звездой говорит... // Знамя. 2012. № 12. С. 202—205

55. Сидякина А. Группы, студии, клубы, объединения, фонды. // Уральская поэтическая школа. Энциклопедия 1981-2012. Издательская группа «Десять тысяч слов», 2013. С.491-515

56. Сидякина А.А. Маргиналы (уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы). Челябинск: Фонд Галерея, 2004. 320 с.

57. СловоNova, дискуссия «Антология уральской поэзии: место». 9.11.2011 [Электронный ресурс].

URL: <http://rutube.ru/video/0a35c405d3cfe1515b89ab7a2e4b53cc> (дата посещения: 20.04.2018)

58. Степанов Е. Современная поэзия: тенденции начала XXI века. // Дети Ра. 2008, 9(47).

59. Русская поэтическая речь – 2016: в 2 т. Т. 2. Аналитика: тестирование вслепую. Челябинск : Издательство Марины Волковой, 2017. 688 с.

60. Топоров В.Н. «Петербург и "Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

61. Харченко К.В. Материальная сторона жизни в зеркале субъективных смыслов: опыт контент-анализа // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2009. №1(28). С. 129-148.

62. Фестиваль "ГУЛ/2017/фестиваль поэтических интервенций"// О фестивале. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mv74.ru/gul2> (дата посещения: 28.04.2018)

63. Фестиваль поэзии и поэтов "ГУЛ". Пресс-служба фестиваля "ГУЛ". Поэтоград № 40 (192), 2015.

64. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.

65. Энциклопедия 1981-2012. Уральская поэтическая школа. Издательская группа «Десять тысяч слов», 2013.

**Материал к уроку «Философско-поэтическое мышление авторов трех поколений УПШ»**

**Форма работы:** работа с таблицей в группах.

Предполагаемые **цели урока**, основанные на данном материале:

образовательные:

\* анализ поэтических текстов уральских поэтов,

\* расширение представлений о философско-поэтических изменениях в процессе существования УПШ,

\* формирование личностного взгляда на изучаемое явление.

развивающие:

\* развитие интеллектуальных и общеучебных умений: анализ, синтез, сравнение,

\* развитие навыков работы с художественным текстом: выразительное чтение, анализ художественного текста, объяснение значения приема в раскрытии художественного образа пространства,

\* формирование индивидуального восприятия произведения и личностной точки зрения на учебный материал.

Таблица может стать вспомогательным материалом, при возникающих затруднениях. Предполагается самостоятельное заполнение таблицы в результате филологического анализа поэтической подборки и выполнение таких **задач:**

1. выделить основные образы, темы и мотивы;
2. найти основные приемы и средства выразительности;
3. предположить возможные поэтические влияния и принадлежность автора к тому или иному направлению.

ПОКОЛЕНИЕ	АВТОР	НАПРАВЛЕНИЯ	ВЛИЯНИЯ	ПРИЕМЫ	ТЕМЫ, МОТИВЫ
ПЕРВОЕ (до 90-ых гг.)	Тягунов Роман	пушкинская традиция, романтизм, футуризм, обэриуты, концептуализм, метаметафоризм, философская лирика	А. Пушкин, В. Хлебников, А. Вознесенский, А. Еременко, Е. Ройзман	фонетическая игра, аллитерации, игра со шрифтом, ирония и самоирония, парадокс, афористичность, прямое обращение, монологизм	Россия, ментальное национальное самоосознание, эпоха, след, огонь, одиночество, Бог, книга, слово, речь, звук, слог, буква, вообще лингвистическая тематика, число, свобода, открытость и уязвимость поэта
	Дрожащих Владислав	модернизм, символизм, футуризм, сюрреализм, экспрессионизм, постмодернизм, метареализм (метаметафоризм), барочность, визуальная поэзия, иронизм, соц-арт, философский концептуализм	А. Вознесенский, В. Хлебников, Б. Пастернак, О. Мандельштам, В. Кальпиди, ранний Маяковский	ассоциативный ряд метафор, нефигуративный поток сознания, яркая избыточность образа	карнавализация образов культуры, цвет, термальные состояния жара, кипения, сухости, небесная твердь, ангел, язык и поэзия
	Санников Андрей	модернизм, натурализм, символизм, неоакмеизм, экзистенциализм, экспрессионизм, минимализм, метареализм (метаметафоризм), постмодернизм	Е. Баратынский, Ф. Тютчев, А. Блок, В. Ходасевич, Г. Иванов, М. Цветаева, Л. Губанов	элегизм, исповедальность, неклассическая музыкальность, метафоризм, сарказм, интертекстуальность, мистификация, метатекст	оппозиция внешнего/внутреннего, одиночество, тоска, боль физическая и душевная, болезненность, смерть, стихийность, дождь, вода, земля, зима, состояние холода, руки,

					ладони, крылья, птицы, деревья, луна, сон, город, родина, Урал, Сибирь, женщина, жена, религиозная образность, речь, поэзия
ВТОРОЕ (с 90-ых до 2000 гг.)	Сунцова Елена	модернизм, сюрреализм, обэриуты, неоакмеизм, постмодернизм, постконцептуализм, примитивизм	А. Ахматова, Г. Иванов, Д. Пригов, Е. Туренко, Е. Симонова, А. Сальников	лирическое высказывание, ассоциативность, ирония, гротесковость, игра, интертекстуальность, синтаксический параллелизм	хаос, трансформации, город, Санкт-Петербург, Москва, кошки, птицы, дирижабль, вода, море, туман, зима, любовь, душа, боль, жизнь, смерть
	Куропте в Юрий	модернизм, постакмеизм, метареализм, постмодернизм	О.Мандельштам, И. Бродский, В. Кальпиди, В. Дрожащих	элегизм, медитативность, метафора, анжанбеман, использование стилистики он-лайн текста	образы культуры, поэтические мифологемы модернизма, фрагменты образного ряда и вербальные конструкции В. Кальпиди
	Самойло в Александр	новый «примитивизм», минимализм, конкретизм, социальная лирика	Г. Иванов, «барачная» поэзия, А. Подушкин, представитель и современной «брутальной» поэзии – Е. Лесин, А. Чемоданов,	приём абсурда, визуализация повествования	мотив движения, поиски спасения, , безысходность городского жителя, невозможность «всё поменять»

			В. Емелин		
ТРЕТЬЕ (с 2000 г...)	Ионова Елена	постакмеизм, фольклорная традиция	Н.Заболоцкий, Д. Хармс, И.Бродский	Асинтаксичность , диалектизм, реминисценции песенных и сказочных сюжетов, аллюзия к романсовому тексту	иллюзорность, принятие мира как данности, поиски самоидентификац ии
	Грантс Янис	модернизм, постакмеизм, постмодернизм, метареализм, постконцептуализм	А. Блок, Д. Хармс, Д. Пригов, Т. Кибиров	исповедальность, самоирония, абсурдизм, физиологизм, интертекст, метатекст	маргинальность, одиночество, отношения Я и Ты, город, быт, телесность, боль, болезнь, ущербность
	Ивкин Сергей	реализм, модернизм, постакмеизм, обэриуты, постмодернизм, метареализм, постконцептуализм	А. Блок, О. Мандельшта м, С. Парнок, Г. Иванов, И. Бродский	исповедальность, поток сознания, метафоризм, интертекстуальн ость, анжанбеман	родина, религия и религиозная образность, быт, семья, память, культура, поэзия и ПОЭТ